

ДРУГИЕ
МИРЫ

Галина Гончарова

УЧАСТКОВЫЙ
ОТ СТАЖЕРА
ДО ВЕДЬМЫ

Другие Миры (АСТ)

Галина Гончарова

**Участковый. От
стажера до ведьмы**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Гончарова Г. Д.

Участковый. От стажера до ведьмы / Г. Д. Гончарова —
«Издательство АСТ», 2020 — (Другие Миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-123399-0

Придя на стажировку в полицейский участок, Ирина не ожидала, что события рванутся с места такой лавиной. Все, все слепилось в один ком. Из родного города уехала, чтобы не общаться с родственниками, так и на новом месте достали. В сверхъестественное отродясь не верила, но пришлось принять силу у умирающей ведьмы и хочешь не хочешь осваивать ее. Это уж не говоря о множестве новых знакомств: оборотни, вампиры, вурдалаки, колдуны... и все в самом обычном городе, словно так и должно быть. И что со всем этим делать? Ирина решила разбираться по мере поступления проблем. Одно она точно знает — на ее территории закон нарушать не будет даже самая сверхъестественная сущность.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-123399-0

© Гончарова Г. Д., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	36
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Галина Гончарова

Участковый. От стажера до ведьмы

© Галина Гончарова, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящается Ольге Линецкой, без помощи которой Ирина не знала бы и десятой части правил, законов и постановлений. Громадное ей спасибо за терпение и внимание.

Оля, без тебя эта книга никогда не была бы написана.

Глава 1

Бывает ли вам страшно?

До истерики, до сведенных судорогой ног, до желания удрать в ближайшие кусты и уподобиться соседской собачке?

Вот Ирине – было. Именно здесь и сейчас. Пальцы дрожали, спина противно взмокла, в желудке разливался холодок, и вообще, хорошо, что она с утра ничего не ела, ее подташнивало. Омерзительные ощущения не проходили, наплевав на все аутотренинги.

Чего она так нервничала?

А вот!

Женщина смотрела на самую обычную пятиэтажку и не могла тронуться с места. Уже несколько минут... десятков минут не могла. А минутная стрелка ползла все быстрее и быстрее, скоро она уже опоздает. Она пришла пораньше, но хотела зайти вовремя...

Страшно, как же страшно! Струйка пота скользнула в бюстгальтер, разозлив и заставив двигаться.

Да сколько ж можно?!

Справится. Не укусят ее там, впереди... хотя лучше бы укусили... Страшно... Злость на себя помогла собраться.

Держись, Иришка, – и вперед!

Три ступеньки, серые, старые, выщербленные от времени. Ремонт здесь не проходил давно, очень давно. Не самое заметное учреждение области.

Синяя табличка.

Министерство внутренних дел Российской Федерации

ГУ МВД России по Рязанской области

УВД по г. Кораблик

ОПОРНЫЙ ПУНКТ ПОЛИЦИИ № 4¹

Адрес, время работы, дни приема, телефон...

Да, ей именно сюда.

И – нет, у нее не пропала собака или кошка, у нее нет мужа-алкаша, нет жалобы, она просто идет на стажировку.

Отчего ее так трясет?

Ответа Иришка и сама не знала. Робеем мы перед начальством. Можем не кланяться пулям, но поди, не кланясь, посиди на собрании, где тебя разбирают по косточкам. Кто же об этом писал? Какой поэт? Не вспомнить, нет, не вспомнить.

Женщина легко дотронулась до ручки, нажала ее вниз. Так легко, и голова совсем пустая, и ноги легко двигаются, только появляется ощущение, что все происходит во сне. Дверь легко поддалась, и Ирина оказалась в маленьком коридоре.

Беленые потолки, выкрашенные масляной краской стены, старый линолеум на полу. Стандартный коридор, как сотни и тысячи других.

Стенды с информацией. Несколько дверей. На одной из них табличка:

Старший участковый отдела полиции по Свирскому району г. Кораблик,

майор полиции Рягузов Евгений Борисович

¹ Рязанская область взята потому, что нравится; название города придумано произвольно, просьба аналогий не проводить. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Имя и фамилия Иришке отлично известны, без всяких табличек. Рягузов. Евгений Борисович. К нему-то ей и надо. И девушка постучала в дверь, сначала осторожно, потом чуть посильнее.

– Войдите!

Голос недовольный.

Ну, извините. Полвосьмого утра ему бы быть довольным? Но сам распорядился, вот Ирина и явилась. А так бы и до двенадцати подушку придавить не постеснялась, после учебки-то!

– Разрешите?

– Разрешаю.

Мужчина лет сорока пяти смотрит на Ирину таким усталым взглядом, что женщине стыдно за себя становится. Человек явно не спал всю ночь, белки глаз красные, мешки под глазами, а перегара нет. Это не алкоголь, видно работа была.

Седые волосы, некогда русые, а теперь невразумительного цвета, бульдожьих брыли, крупная фигура с некогда могучими мышцами, теперь основательно заплывшими жирком, мятая (что уж там) форма.

Ирине стало его по-человечески жалко.

Кажется, ее приняли за очередного заявителя, а человеку и так плохо.

– Разрешите доложить, стажер, лейтенант полиции Алексеева Ирина Петровна прибыла для прохождения службы!

– А-а...

Оценивающий взгляд проходится по Ирине. Она стояла спокойно, хотя чего ей это внешнее спокойствие стоит... не суетиться, не дергаться, не елозить руками или ногами понапрасну, не переступать с места на место, не поправлять юбку, не...

Она спокойна, она уверена в себе, она... черт, какие же привязчивые эти аутотренинги!

Она и так отлично знает, что видит начальник.

Сначала – форму.

Вычищенную, отглаженную, накрахмаленную рубашку с погонами лейтенанта, удобные туфли на каблуке-пятерке, уложенные волосок к волоску рыжеватые пряди.

Нет, не краска.

Конопушки на носу это подтверждают достаточно красноречиво. Да, рыжая. А если приглядеться – то еще и кудрявая. Ничего, тугой хвост и челка отлично решают эту проблему.

В остальном же...

Овал лица – сердечком, глаза большие, серые, нос обычный, деревенский, никакой аристократии там не отмечалось, губы тоже вполне средние.

Сексуальность?

При нынешнем уровне косметологии можно и из коровы королеву сделать, были б деньги на тюнинг. Но у Ирины на лице даже тонального крема нет.

По уважительной причине.

Вечно она забывается, потрет то глаза, то губы, то щеку... вот и получается боевая раскраска племени команчей. На работе это ни к чему. Можно, конечно, и дамы этим вовсю пользуются, но... потом, когда она освоится и нервничать не будет.

Взгляд идет сверху вниз.

Да, выпуклости там есть. Равно как и вогнутости, все в нужных местах. Хотя и не очень выразительное.

Среднестатистическое.

Опять-таки, не благодаря диетам и гимнастике.

Просто – общага, стипендия и тренировки. Поневоле не отъешься.

Средний рост, средние ноги, Ирина все сделала, чтобы быть обычной. Усредненной. Как все. Начальник смотрит без особого одобрения, но и без порицания. Видимо, худшего ожидал.

– Значит, на стажировку.

– Так точно.

– На полгода.

– Так точно.

– Ладно, присаживайся. Можешь меня звать по имени-отчеству или майором.

Ирина кивнула.

– Спасибо, Евгений Борисович.

Стул был специально, что ли, предназначен для посетителей? Чтобы не задерживались?

Под чью попу его проектировали, неизвестно, но все выпуклости и вогнутости приходились решительно не туда. Еще и чулки порвать можно.

Да, единственное, что Ирина себе позволила, это чулки, а не колготки. И вот не надо тут про эротику. Никто не задумывался, что чулки намного практичнее?

Когда ты рвешь колготки, ты выбрасываешь сразу все.

Когда ты рвешь чулки, ты можешь выкинуть один чулок из пары. А второй-то у тебя останется.

Сексуальность?

А вы знаете, сколько сейчас колготки стоят? Экономия!

– Полгода, значит.

Ирина промолчала. А то он сам не знает?

Как становятся участковыми? Нельзя сказать, что это быстрый и легкий процесс. Вот создается у народа впечатление, что чуть ли не с улицы, пришел, написал заявление, выдали оружие – и крутись, как хочешь.

Ага, два раза!

Не-ет, стать в наше время участковым не так-то легко и просто.

Для начала нужно образование. Юридическое, высшее.

У Ирины, так уж получилось, оно было. Повезло.

Потом надо написать заявление. И не просто так. Нужны рекомендации от сотрудников полиции, не меньше двух человек. Как Ирина пыталась их получить, это отдельная история. Одну-то ей дали сразу, а вот за второй побегать пришлось, да...

Около года идут проверки-согласования-рассмотрения.

Мало ли что?

Мало ли кто?

А тесты? Медкомиссия? Военкомат? Пусть только для мужчин, но есть ведь такое, из песни слова не выкинешь!

Все это только малая часть от нужного. Поверьте, к концу медкомиссий вы навсегда возненавидите всех врачей мира скопом и каждого по отдельности. Чтоб не обидно было.

Чего только одни психологи стоят! Это они в блогах – добрые, а на работе – звери. Хуже крокодилов.

А полиграф?

Не тот, который Полиграфович, а тот, который детектор лжи? А ведь на нем реально тестируют. И чего они там понапишут...

Ирина-то личное дело свое точно не увидит. Не в ближайшие годы.

Жуть жуткая.

А когда все пройдено, начинается учебка. Фактически казарма, где тебя учат всему, что может понадобиться. В том числе и обращению с оружием, и бумажки заполнять, и спецсредства – наручники, дубинки, светошумовые и газовые гранаты, химловушки, средства индивидуальной защиты – бронежилет, противогаз, каска, и... Всего не перечислишь.

И лишь потом тебя допускают на стажировку.

Вот и сидит Ирина сейчас пред светлыми (красный – не темный) начальственными глазами. Сидит, глядит...

Стажер – пока еще зверюшка бессловесная. Скажет начальство прыгать и тявкать, ей останется только высоту и громкость уточнять. Хорошо хоть минимальный оклад платят, на овсянку хватит. И койку в общежитии дали.

– Ладно, давай я тебя прикреплю, наверное, к Ивану Петровичу. Пусть возится.

Ирина с готовностью поднялась со стула.

– Только учти, коллектив у нас молодой, вздумаешь хвостом крутить, ничего хорошего не получится.

Ирина молча кивнула. А что тут скажешь? Что мужчины ей в ближайшие лет десять точно не нужны? Не аргумент.

Начальник поглядел с сомнением, но добавлять ничего не стал и потянулся к селектору, обдав Ирину запахом ядреного мужского пота.

Пискнула кнопка.

– Иван Петрович, зайти ко мне.

Через пару минут на пороге кабинета появился мужчина лет сорока, подтянутый, прямой, как палка, с полностью седой головой, яркими голубыми глазами и улыбкой дурачка и шутника.

– Разрешите?

– Входи, Иван Петрович. Вот, знакомься, твой новый стажер, Алексеева Ирина Петровна.

Иван Петрович кивнул.

– Берешь, пристаешь к делу, на следующие полгода это твоя забота. Понял?

– Так точно.

– Тогда – свободны.

Ирина отлепила попу от жесткого стула и поднялась, понимая, что аудиенция окончена.

Иван Петрович отдал честь, развернулся и вышел. И уже в коридоре осмотрел девушку.

– Стажер, значит...

– Так точно.

– Ладно. Пойдем, я тебя с ребятами познакомлю.

Кабинет участковых был рядом с начальственным.

Четыре стола, на трех стоят компьютеры, на четвертом ничего нет. В углу здоровущий принтер, в другом углу шкаф, сейф... Четверо мужчин, которые воззрились на начальника, а потом на девушку за его плечом.

Выражение лиц у них было примерно одинаковым. Это что за явление?

Ирина вздернула подбородок повыше и изучающим взглядом принялась осматривать своих новых коллег.

Ну... что тут скажешь?

Не в восхищении. Королева не в восхищении.

Первый стол, самый ближний к двери.

Молодой человек лет тридцати. Круглое лицо, тип – крестьянский парень, этакий простоватый Иванушка. Разве что волосы не русые, а неопределенно-темные, ну и глаза серые. Крепкое телосложение, слегка туповатый вид.

Как там с умом? Посмотрим...

Второй стол, чуть подальше – противоположность. Симпатичный светловолосый мужчина, даже смазливый. В очках, вид этакой очаровательной беспомощности.

Учитывая, что зрение должно быть если и не стопроцентным, с небольшими отклонениями, то хотя бы не требующим очков или линз...

Маска? Но на бабушек должно действовать убойно. Этаким тип «заботливого внука». И через дорогу переведет, и авоську донесет.

Третий – постарше остальных. Лет тридцати пяти – тридцати семи. Лицо больше всего напоминает любопытную сороку. Вот если бы ее мужчиной сделать, так бы сорока и выглядела. Острый нос, острый подбородок, даже манера смотреть – сорочья, голову к крылу и исподлюбья.

Хотя с возрастом Ирина вполне могла на пару лет туда-сюда и ошибаться. Люди разные, кто следит за собой, кто не следит...

– Так, ребят, знакомьтесь. Это наш новый стажер. Ирина...

– Просто Ирина, – пискнула как дура Ирина и сама смутилась.

– Просто Ирина. А это наши сотрудники. Коля, он же Николай Иванович Рябов, – кивок на «Иванушку», – Сеня, или Семен Игоревич Живцов, – на этот раз идет кивок в сторону очкарика, – Саша, Александр Сергеевич Волынский. – «Сорока». – Меня можешь называть просто Петрович. Вопросы есть?

– Никак нет.

– Вот и отлично.

Иван Петрович опустил на свой стул. Ирина так и осталась стоять посреди кабинета.

Проверка?

Ну-ну...

Вот кто бы сомневался, первым разговор начал Саня. Ирина от него так и так ничего хорошего не ждала.

– Ирочка, скажите, а вы везде рыжая?

– Нет. В некоторых случаях я розовая, – без тени смущения отозвалась Ирина. – Что-то еще узнать хотите?

Саня хмыкнул, но не отступил.

– Да. Размер бюстгалтера?

– Думаю, у вас окружность груди не меньше ста сантиметров, – пожала плечами Ирина. – Берите пятерку, не ошибетесь. Если что – ваты подложите.

Своего рода ритуал. Обижаться на такое – крепко не уважать себя. Поддаваться – тем более не уважать.

Если ты женщина. Если ты пришла на мужскую работу и в мужской коллектив. Если ты хочешь стать своей и остаться на этом месте.

Правило простое – всегда держать лицо. И никогда ничего не принимать близко к сердцу. А то ведь хуже будет.

Их четверо, она одна, дай только малейшую слабинку, только прогнись – и никогда «своей не станешь». Максимум – комнатной геранью, украшением подоконника. Или того хуже, начнут в коллективе «собачьи свадьбы», видели мы такие.

Нет уж. На работе можно быть только «своим парнем», во всяком случае – для Ирины. А значит, держать лицо до последнего.

Так что Ирина мило улыбалась, не показывая тревоги или злости. Подумаешь, бюстгалтер. Она бы и на что-то похлеще не среагировала.

– Сань, успокойся, – махнул рукой Петрович. – Ириш, мы тут без чинов, так что садись сюда и рассказывай.

– О чем? – послушно опустилась на указанный стул Ирина.

– Кто, откуда, какими судьбами...

– Стажер. Из университета. Потом учебка, потом сюда попала, – Ирина отвечала спокойно и равнодушно. Вот так сложилось.

– Юридический заканчивала?

– Ага.

– А что в адвокаты не пошла? В конторку какую? – Это уже блондинчик Сеня.

Причина была, и веская. И переводиться в другой город с потерей курса, и идти в участковые, но не озвучивать же ее здесь и сейчас?

Ирина пожала плечами.

– Адвокатом меня не возьмут, знакомств нет, практики нет, денег нет. Бумажки перекладывать? Без варианта карьерного роста?

– А то здесь у тебя есть возможность вырасти, – скривился Саня. – Так до смерти участковым и проходишь, как Петрович.

Ирина пожала плечами еще раз.

– Кто ж его знает. А вдруг я преступление века раскрою? Или супершпиона поймаю?

– Детективов начиталась, что ли? Там, где блондинка и Джеймс Бонд? – продолжал издеваться Саня.

– Кино насмотрелась, – парировала Ирина, понимая, что вот этому спуска давать нельзя. Ибо не фиг! – А в блондинку перекраситься можно в любой момент, только вот шпиёна найду. Американского.

– Чего сразу американского?

– Да я непривередливая. Хоть бы и конголезского... – Ирина улыбалась, всем видом показывая, что происходит дружеская пикировка. – Вот как только, так и сразу.

– Шпионы, это хорошо. Ир, а у тебя ничего попроще нет? – Петрович смотрел на юбку и туфельки взглядом инквизитора.

– Форма же...

– Ты на каблуках весь день побегаешь – все проклянешь.

В этом была истина.

– А если брюки?

И удобная обувь, понятно?

Ирина кивнула.

– С завтрашнего дня переоденусь.

– Музыка принести? – Саня, Саня, ну что ж ты трещишь, как жир на сковородке?

– Несите, – широким жестом разрешила Ирина. И опять обратила внимание на Петровича.

– Ты вообще, местная?

– Не-а. Деревня Ледянкино. – Информация была далеко не секретной.

Да, деревня. И что?

Не дярёвня же?

– Родители, братья, сестры?

– Все в наличии. А еще козы, коровы и куры.

Петрович невольно улыбнулся.

В принципе, картина была ясна. Приехала девочка из деревни, поняла, что юристов много, а работы мало, надо как-то в городе зацепиться. Почему бы и не так?

Койку дали, учат, работа будет... А там и замуж выскочит, в декрет уйдет.

– Ириш, тебе лет сколько?

– Двадцать три.

Скоро будет двадцать четыре, но это уже детали.

– Парень есть?

– Нет.

Выводы Петровича стремительно подтверждались. Ирина понимала, о чем думает мужчина, но не торопилась его разубеждать.

Зачем?

Все в меру, в свое время. А кричать – я не такая, вы обо мне неправильно думаете! Найдите занятие глупее! И вообще, первое впечатление от нее не самое плохое, а остальное приложится в ходе работы.

На столе зазвенел телефон. Петрович протянул руку и снял трубку.

– Опорный пункт полиции номер четыре. Участковый Куницын слушает.

Из трубки, захлебываясь, рванулся истеричный женский голос. Петрович послушал пару минут, потом вздохнул с таким видом, что Ирине даже стало его жалко.

– Хорошо, Марина Ивановна. Сейчас приеду.

Визг продолжился.

– Я же сказал. Сейчас буду.

Дослушать пришлось до конца. Еще примерно минут десять, вставляя «да-да», «конечно» и «собираюсь», Петрович изображал мученика телефонного. Потом визг стих, мужчина положил трубку, осторожно, как гранату, и вздохнул.

– Гнидская.

Мужчины выразили сочувствие всем своим видом.

– Ну что, стажер, собирайся. Потопали.

Ирина кивнула и встала со стула, демонстрируя, что она всегда готова.

Участковые проводили ее взглядом.

На улице царил ранняя апрельская весна.

Петрович улыбнулся солнышку и повернулся к Ирине.

– Ну, пошли. А то Гнидская весь мозг выест.

– Гнидская? – не удержалась Ирина. – Дал же бог фамилию.

– Вот еще. Так-то она Глинская. Утверждает, что родственница тех самых Глинских, которые мамочка Ивана Грозного. Но такая гнида...

Ирина кивнула.

– А что случилось?

– Да ничего у нее не случилось. Скучно бабе, вот и все. Дети выросли и разъехались подальше от мамы, а тут еще сосед сверху ремонт затеял. Догадываешься, как не повезло бедолаге?

Ирина догадывалась. Даже сочувствовала.

– А мы что там делать будем?

– Вести разъяснительную работу, – мрачно проворчал Петрович. – Пошли. И давай-ка завтра в джинсах и в удобной обуви.

Ирина кивнула. Не объяснять же, что она производила первое впечатление. А для этого нужен был костюм и приличный вид. Второго-то шанса его произвести не будет. А потом можно и в джинсах.

Если ее возьмут на работу, вопрос другой. А стажеру пока форма не полагается. Не выдают.

Идти, по счастью, было недалеко.

Петрович топал вдоль пятиэтажек, с кем-то здоровался, кому-то пожимал руку... Чувствовалось, что его в этом районе хорошо знают и уважают.

– Опять...

Иван Петрович решительно свернул с дороги и направился к столу, за которым сидела компания из трех человек.

Ирина определила бы их как рабочих в запое.

Бывают такие, заработают и гулевают. Потом выйдут из запоя, опять заработают – и опять гулять. Дело житейское, бывает...

– Как дела, Витя?

Один из «работяг» поднялся со скамейки и пожал протянутую руку.

– Потихоньку, Петрович. Ты-то как?

– Наша служба и опасна, и трудна, сам знаешь, а у тебя смена закончилась?

– Да. Ты не волнуйся, Петрович, я свою норму знаю. Выпью ведро – и стоп.

– Ведро – не беда, ты главное, не бушуй.

Витя развел руки, почти что с извиняющейся улыбкой.

– Постараюсь, Петрович.

– Всего хорошего.

Иван Петрович козырнул – и направился прочь от скамейки.

Ирина ждала пояснений.

– Это Витя. Человек хороший, работает на буровой платформе, нефтяником. Полгода там, полгода тут.

Ирина хмыкнула.

– Тяжело семье, наверное.

– Жена особо не страдает. Денег он дает достаточно, а остальное... всякое бывает. Сама понимаешь.

Ирина кивнула.

Вот уж что она отлично понимала.

– Вот приезжает Витек, отдает ей деньги, а на заначку начинает гулять. Потом находится добрая душа, кто-то да стукнет, что жена – неверна, ну и начинается у мужика гон.

– Гон?

– Ага. За любовниками. Гоняется и норовит их рогами забодать.

– А как он узнает – кто?

– Он и не узнает. Тут как повезет.

– А жену он не трогает?

– Нет.

– Хоть тут повезло.

– Гуляла б она поменьше или поосторожнее, нам бы всем бы повезло, – махнул рукой Петрович. – Всё, пришли.

Стандартная «брежневка».

Пять этажей, серые прямоугольники бетонных плит, плоская крыша. Подъезд, стены, окрашенные в зеленый цвет, третий этаж.

Дверь, в которую позвонил Иван Петрович, отличалась от остальных, как Золушка от своих сестер. Фанерная, старая, поставленная во времена коммунизма, когда, как известно, в стране воров не было. И все друг другу доверяли, ага.

Точнее, знали, что лезть бессмысленно, все равно ничего ценного не найдут.

Иван Петрович вздохнул, поправил фуражку и нажал на кнопку звонка.

Такого же старого, как и дверь.

Долго ждать не пришлось, дверь распахнулась сразу же, едва не треснув участкового по носу, и на лестничную клетку вылетело – *оно*.

Выглядело это *оно* как седая женщина преклонных лет, невысокая и полноватая. Но визжала так, что Ирина тут же заподозрила в ней потомка гарпий. Вдруг они из древней Греции мигрировали и размножились? Потомство оставили?

Вот, и пальцы с когтями... то есть ногтями метровой длины... Она хоть не плотьядная? Какая ж чушь лезет в голову!

– Наконец-то!! Часа не прошло!!

– Здравствуйте, Марина Ивановна.

– Чего – здравствуйте! А это еще что такое?

– Стажер наш, – вежливо ответил Иван Петрович. – Так что у вас случилось?

– А вы не слышите?

Нет, ничего Ирина не слышала. И подозревала, что за визгом этой мадам можно и вовек ничего не услышать. Оглохнешь...

Наконец они оказались в квартире, прислушались...

Примерно через пятнадцать минут послышался робкий стук. Кажется, кто-то пытался заколачивать гвозди. Очень деликатно.

– Вот!! Прямо же по голове бьют!!

Иван Петрович вздохнул, покивал и попрощался с хозяйкой.

Не сразу, конечно.

Пришлось узнать все, что она думает о правительстве, о каждом из министров в частности, о полиции в целом и лично об Иване Петровиче.

Про стажера и говорить не приходится.

Ирина поняла – вот из-за таких, как все вышеперечисленные, океаны забиваются пластиком, а бактерии дохнут на подлете. Страдает экология, ботаника, зоология, а уж что происходит с экономикой и с политикой, вовсе подумать страшно. А приходится...

Обо всем приходится думать мадам Глинской. Ибо – некому больше, некому! Не тем правительство занято! Вот она бы...

Но все кончается. Так что они поднялись в квартиру этажом выше и позвонили. Уже вполне приличную металлическую дверь.

Им открыл мужчина лет сорока пяти.

– Иван Петрович, здравствуйте.

– Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич.

– Опять?

Иван Петрович пожал плечами. А что поделать? Да, опять, да, снова, да, нет выбора.

– Что в этот раз?

– Дмитрий Сергеевич, да было бы что...

– Это – да, – согласился мужчина. – Я уж квартиру продавать собираюсь.

Иван Петрович вздохнул.

– Я вас понимаю.

– Куплю подальше отсюда. А то с такой в одном подъезде жить – это сразу помереть можно. Может, вам чая предложить? Хотите?

– Да нет, спасибо. Покупателя-то уже нашли?

– Да, – лицо Дмитрия Сергеевича озарилось воистину мефистофельской улыбкой. – Уж извините, Иван Петрович, не обижайтесь.

– Дмитрий Сергеевич?

– Это армянская семья.

Ирина посмотрела на участкового. Выглядел он так, словно у него без наркоза зубы рвали.

– Сколько их?

– Восемь человек. Двое взрослых, бабушка и пять детей.

Ирина представила всю эту компанию в брежневской двушке. Подумала пару минут. И невольно улыбнулась.

Как там назывался тот гоголевский рассказ? Страшная месь?

Вот-вот. Кажется, это оно и есть.

И все она понимает. И Петровичу придется на вызовы ездить, и эта гарпия их достанет. Но...

Пойдите, скажите, что она это не заслужила?

Вечером у Ирины гудели ноги. Не помогали даже удобные туфли. Болело всё.

Она плюнула, достала тазик, налила туда горячей воды и со вздохом облегчения погрузила в нее измученные ноги. Сыпанула гость морской соли, размешала прямо ногой, кристаллики приятно покалывали подошву. Поставила рядом чайник с кипятком, компьютер, откинулась на подушку... Хорошо!

Кто сказал, что в таких простых минутах нет жизненного счастья?

Комната общежития была рассчитана на двоих. Двое и жили. Она и Люся.

Люся носила красивое имя Людмила, которое шло ей не больше, чем корове седло, была полноватой, улыбочивой и влюбчивой. Твердо знала, что ее судьба где-то рядом, и не уставала это проверять.

Судьба оказалась вредной и примерно после третьей проверки начинала прятаться, придумывать отговорки и алиби. Люся не унывала.

Она искала любовь и гарантировала взаимность каждому, кто решил проверить ее на совместимость.

Что она делала в полицейском общежитии?

Кто вам сказал, что в полиции не работают женщины? Еще как работают.

Люся была отличным кадровиком. Но – увы.

Как у нее получалось с бумагами, так же не получалось с мужчинами. С мужем она развелась, а поскольку стерва-свекровь позаботилась изначально, чтобы Люсе и плафона с люстры при разводе не досталось, пришлось после развода даме возвращаться в общагу. Хорошо хоть койку дали.

Ирину соседка не раздражала. Подумаешь, гулящая. Бывает.

Она же не за деньги, а по состоянию души. Вот человек такой, что теперь?

Ирину она не агитирует, личную жизнь ей не устраивает, не пьет, не курит, а что приходит поздно... так не всегда же! А если и приходит, то тихо ложится и спит.

Зараза? А вы предохраняйтесь. И диспансеризацию проходите вовремя.

Вот и сейчас Люси не было.

Ладно, найдется, никуда не денется.

А у Ирины завтра тяжелый рабочий день. Стажерский.

Ирина махнула рукой и достала из шкафа шоколадку «на черный день».

Гулять так гулять.

В следующие несколько дней она познавала Истины.

Да-да, именно так и с большой буквы.

Она узнала, что работа участкового – это постоянно на ногах, и возблагодарила того, кто придумал повседневный вариант формы.

Брюки, берцы... о, эта чудесная обувь.

Ходить удобно, нога не потеет, а ударить можно так, что враг всю оставшуюся жизнь фальцетом петь будет.

Еще в обязанности Ирины теперь входили бумаги. Много бумаг.

Стажер априори существо бесправное, ну или хотя бы подчиненное, а потому на нее свалили все, что надо было оформлять. И ведь не возмущаться – тоже надо. Тоже часть работы.

Заодно на нее повесили дежурство по кухне. Но тут Ирина тоже не обиделась – остальные участковые тоже там дежурили.

Кухня? Крохотный кабинет, размером не с самую большую ванную комнату, в который чудом втиснулись стол, стул, микроволновка и холодильник времен так юрского периода, на который регулярно находили приступы судорог, и тогда он начинал трещать, как безумный. Ощущение было, как будто где-то рядом работает пулемет и немцы идут в атаку. Ирина первый раз даже испугалась.

Потому майор и решил оборудовать кухню в отдельном кабинете.

Еще там были одноразовые стаканчики, чай, кофе, какие-нибудь печенки... все скидывались в общий котел и сдавали деньги.

Почему одноразовые? Мыть не надо.

Да и посетители разные бывают, не поить же из своей чашки? Вот еще не хватало. Такого нахватаешься – не вылечишься. А иногда их приходилось отпаивать валерьянкой. Иногда и чем покрепче не помешало бы.

Обязанности дежурного по кухне состояли в выключении бытовой техники из розеток, все проверить, протереть, выкинуть, вынести мусор, докупить недостающее.

Мужчины сразу предупредили, что не стоит покупать ничего с вареной сгущенкой (ее не любит Коля) и ничего апельсинового или лимонного (Петрович не уважает химический аналог цитрусовых). В остальном свобода рук.

К их чести, сами они точно так же все протирали, убирали, выносили и не пытались свалить на другого свою очередь.

Хороший, сработавшийся коллектив.

К Ирине отнеслись достаточно спокойно, и через пару дней она поняла, почему так. Ей здесь полгода стажироваться. Если никто не уйдет, мест просто нет. Если уйдет – в другое место. А значит, можно попробовать завести интрижку. Скрасить себе рабочие будни.

Ирине этого решительно не хотелось, и она старательно держала дистанцию.

Очередной вызов разорвал тишину кабинета.

Петрович снял трубку, послушал и кивнул Саше.

– Возьми.

Ирина наострила уши. Разговор вышел коротким, Саша бросил трубку на рычаг и поднялся.

– Опять? – сочувственно осведомился Петрович.

– Ага. Вот козел...

Кажется, остальные участковые разделяли его мнение.

– Что случилось? – рискнула спросить Ирина.

– Погромщик у нас завелся, в Соротском районе, – зло ответил Сорока.

– Не погромщик, а козел, – фыркнул Коля. – Прикинь, залезает в дом, переворачивает все вверх дном – и сваливает. Никто ничего не видел, не слышал, зато на стене рисунок в виде какой-то фигни оставляет, типа козлячьей морды...

– И ничего не пропало?

– Сань, возьми девочку с собой, пусть полюбуется, – подал голос Петрович.

Ирина посмотрела умоляющими глазами. Пожалуйста, сидеть и писать уже надоело! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Видимо, взгляд получился выразительный. Саня скривился, но кивнул.

– Ладно. Пошли.

Ирина накинула форменную куртку и выскочила на улицу вслед за Саней. Естественно, пешком.

Почему не на машине? А не убийство, знаете ли, а бензин казенный. И вообще, дорогой.

Тоже еще вопрос, страна сидит на добыче нефти, а своим гражданам ее продает втридорога, кому рассказать, пальцем у виска покрутят.

Разве что на велосипеды перейти? Но их Ирина не любила. Умела ездить, но – вот. Не возникло у них понимания, может, из-за собак, которые очень любят велосипедистов, а может, из-за того, что у нас в городах дорожек для велосипедов нет, по тротуару ехать неудобно, а по дороге...

Видела Ирина, как машина велосипедисту по заднему колесу поддала.

Ах, какой был красивый полет... И какое грустное получилось приземление.

– А давно этот вандал промышляет?

– Около трех месяцев, – зло махнул рукой Саня. – И все на моем участке пакостит, сволочь!

Александра можно было понять. Люди пишут жалобы, их приходится рассматривать, открывать дело, закрывать дело, прибавляется куча работы, да и недовольное начальство начинает ставить сотрудника в интересные позы.

– И никто-никто ничего не видел?

Александр вздохнул.

– Там район такой... если кто чего и видел, все равно всем наплевать. Придем – увидишь. Ирина кивнула.

Ладно, сначала посмотрим, потом спрашивать будем.

Район действительно оказался не из лучших.

Барачные послевоенные дома. Одно-, двухэтажные, все коммунальные, конечно, на шесть-восемь семей, с туалетом во дворе и водой из колонки.

Газ? Только электричество. И – мусор вдоль дороги.

Мусорных баков здесь предусмотрено не было, а потому мусорные пакеты люди попросту выставляли к дороге. С утра проезжала машина и все собирала.

Видимо, у города нет денег на мусорные баки. Зато мэр на «мерседесе» ездит... Вот пересел бы на «калину», а на разницу в цене...

Мечты, мечты...

Дома были самые разнообразные, видимо строились без плана, руля и ветрил, кто во что горазд. Раньше, при советской власти, народ верил, что их будут расселять, давать квартиры... После перестройки те, кто поумнее и пооборотистее, начали всеми правдами и неправдами выбираться из своих жилищ в более приличные. Остальные тянули лямку.

Этот барачный дом был одноэтажным.

Александр посмотрел на него взглядом потомственного страдальца, вздохнул, поправил фуражку и направился к воротам.

Да, там еще и дворики были. Одна сотка, не больше. Должны же где-то туалеты стоять?

Ни погулять, ни животное выпустить... Да и просто заводить его в таких условиях – садизм чистой воды. Это человек – тварь неприхотливая, где хочешь выживет, а зверя-то за что?

Дворик, шесть квартир, у крайней суетится толстая очкастая тетка самого что ни на есть куриного вида. Знаете, есть такие... Им все надо, везде они лезут, во всем хотят участвовать, визгу, шума и проблем от них – втрое, а пользы... Ее и родные-то не дожидаются. Курица-с.

Ирина даже хмыкнула, когда тетка бросилась им наперерез, завохтала, замахала коротенькими ручками, словно крыльями.

– Наконец-то! Ужас! КОШМАР!!

– Добрый день. Участковый уполномоченный полиции, капитан полиции Волынский, Александр Сергеевич. Что у вас произошло?

Ирина потащила из планшетки бланки. Протокол, заявление... стопроцентно без этого не обойдется.

Угадала? Угадала.

Произошло СТРАШНОЕ!

Да, именно так, большими буквами, а уж сколько шума было!

Дом этот на шесть квартир, все шесть заселены, одна из семей уехала в отпуск. Ключи от квартиры оставили Серафиме Сигизмундовне (так звали эту курицу) и попросили поливать цветы.

Вот, пришла она сегодня с утра, цветочки полить, а там!

Кошмар! УЖАС!!

– Ладно, Серафима Сигизмундовна, давайте пройдем в квартиру, посмотрим, что там и как. Ириш, пошли, поглядишь, как это в жизни выглядит. Руками ничего не трогать, поняла? И... Серафима Сигизмундовна, нам бы понятых пару...

– Да вот хоть и муж мой? Подойдет?

Означенный субъект пошатывался, аки деревце в бурю, но вроде на своих ногах стоял. Рядом возник второй, такой же алкогольно печальный.

Саня посмотрел с тоской, но решил, что лучше тут ничего не найдется. Разве что еще хуже. И пошел в пострадавшую квартиру. Ну как – квартиру?

С точки зрения Ирины, это можно было назвать землянкой. Внутрь заходить надо было по двум ступенькам. Видимо, дом за эти годы осел или культурный слой поднялся... Кто ж его знает?

Но надо спускаться.

И если вспомнить тот же дом снаружи, окна находятся на уровне колен, а вот внутри – на уровне пояса. Значит, дом ниже уровня асфальта. То есть – пол.

Две комнаты. Одна большая, проходная, вторая чуть поменьше. Обе угловые, то есть с окнами.

В большой комнате выгорожен уголок под «кухню». Чайник, микроволновка, электроплитка...

Общее впечатление – в общаге лучше. Там хоть вода есть. И полы... ощущение было такое, что доски уложены прямо на землю. Интересно, люди тут ревматизмом не болеют?

– Что?

Как оказалось, последний вопрос Ирина озвучила вслух. Пришлось повторить.

– А то ж! Еще как болеют, – закудаhtала курица Сима, которую Ирина про себя перекрестила. – Здесь вообще одни безбожники живут, оттого и болеют постоянно. А то, бывает, сглазят кого...

Ирина промолчала.

Ага, козе понятно, ревматизм у нас от безбожия. Нет, не от земляных полов, а от отсутствия в доме икон. Хотя... а если их на пол вторым слоем настелить? Нет, ламинат лучше. Можно освященный, можно просто ламинат. Или вообще выехать из этого кошмара.

Хотя ей ли из общаги рот открывать?

Тут хоть и конура для кошки, но своя. Личная.

В комнатах был... хаос. Нет, даже не так. Перевернуто вверх дном было все. И в то же время не было ощущения обыска, системы, какой-то строгой логики. Наоборот, словно что-то пробовали искать, не нашли, а потом, со злости, стали громить комнату налево и направо.

Сбросили цветы и прошлись по ним. Вытряхнули землю из горшков. Разбросали все вещи.

Но – ничего не взяли. Просто изгадили, испакостили...

– Здесь что-то искали? – озвучила вслух Ирина.

– Ой, да у Ивановны отродясь ничего ценного не было, одни цветочки! – завохтала курица.

Ирина в цветах не разбиралась, так что предпочла промолчать. Может, тут и есть какая-нибудь ценная орхидея, но... нет, не похоже. Вроде как обычные растения, она такие не раз видела даже в школе.

На стене действительно был какой-то странный рисунок. Козлячья морда?

Да кто его знает?

Несколько треугольников можно было трактовать и так, и этак. Может, художника-авангардиста пригласить? Или так сфотографировать, показать? Вдруг кто-то это уже рисовал?

Александр только вздохнул.

– Ладно. Давайте составлять протокол. Хозяева-то где?

– Так в отпуске Ивановна, я же сказала! – опять возбудилась клушка. – Я тут за старшую, и за дом я ответственная...

– Вы – собственник?

– Да!

– Этой квартиры?

– Нет! Но я...

– Тогда я не имею права принимать от вас заявление.

Ирине очень захотелось залезть под стол и накрыться планшеткой. Ой, визгу бууууудет!

И визга таки было... минут на сорок, не меньше. Из дома участковый со стажером вылетели, как из женской бани. Красные, потные и мечтающие убить вздорную бабу веником!

Но есть ведь порядок!

Не надо говорить – вам лишь бы отвязаться! Начальство таких вольностей тоже не поймет. Заявление должен подавать тот, кого это непосредственно касается. Потерпевший. А не все подряд.

Сошлись на простом решении, и Серафима Сигизмундовна лично набрала номер пострадавшей.

– Ивановна, ты? День добрый, как здоровье?

Ровно через две минуты болтовни Саня не выдержал и протянул руку так, что не заметить было нельзя.

Сима покосилась недобрым взглядом, но телефон отдала.

– Добрый день. Участковый уполномоченный полиции, капитан полиции Волынский, Александр Сергеевич. Ваша квартира была взломана, будете подавать заявление?

Визга из трубки не раздалось.

Саня послушал пару минут, потом непроизвольно кивнул.

– Хорошо. Как вернетесь из отпуска – сразу ко мне, знаете, куда?

– ...

– Да. Именно туда. Волынский, Александр Сергеевич.

– ...

– И вам всего самого лучшего. До свидания.

Квартира была опечатана, ключи у Симы изъяли, составили акт, подписанный понятыми, причем Серафима смотрела на беднягу участкового, как на врага народа.

– Жуть! – от души высказалась Ирина, когда они вышли на улицу и медленно пошли вдоль таких же одноэтажных домов-бараков.

Саша от души закивал.

Раздался веселый смешок.

– Никак с Симкой познакомились?

Работники опасной и трудной службы переглянулись, потом посмотрели налево.

Ну да. Дома барачные, окна низкие, вот, в одно из окон и выглядывает бабушка, которую так и хочется назвать уютной. Ей бы и платок пошел.

– Да знакомы мы, – махнул рукой Александр. – Но тут каждый раз, как в первый. Уж извините, баба Зина.

– А я не тебе, я девушке.

Ирина покраснела. Быстро и бесповоротно, как все рыжие.

– Да ты не стесняйся, лапа, дело житейское. Симка у нас на весь квартал славится. Тонкая натура, папа – директор завода, орденоносец... вот она нос и задрала. А сама в шестнадцать замуж выскочила за Димку-алкаша, ну и скатилась ниже некуда. Дети от нее поразбежались, заняться ей нечем, сама она не пьет, но мужа воспитывает... ну и во все дела лезет без мыла.

Ирина кивнула.

– Понятно. Спасибо...

– Чего благодарить-то зря? Заходите в гости, на чай с пирожками?

Участковый вздохнул.

– Спасибо, баба Зина. Но... некогда.

– Ну тогда хоть подожди, я вам пирожков с собой набросаю. Сам понимаешь...

Бабуся исчезла в окне.

Ирина покосилась на старшего по званию.

– Неловко как-то...

– Тихо! Тут все ловко. Баб Зина всю жизнь кондитером проработала, сейчас уж здоровье не то. А для себя все равно печет и всех угощает. Ясно?

Ирина кивнула.

– Вот и благодари.

Пирожки в кулке источали потрясающий аромат. Такой, что даже бумагу съесть хотелось.

– Гадость эти ваши пакеты, – ворчала бабуся. – В них печево просто задыхается, ни вкуса, ни запаха, ничего у него нет... и пекут сейчас гадость! Напихают химии, насуют вонючих отдушек, а есть это даже крысы не станут.

И Ирина была с ней полностью согласна.

Взятка? Нет. Просто человеческий жест. Понимать надо разницу.

По пирожку они съели прямо на месте. И по второму утащили, чтобы жевать на ходу. Удержаться сил не было.

– А каждый раз такая картина? С этими погромами?

– Ага...

– И чего ему надо?

– Жнать бы прихруп, – Александр запихнул в рот чуть не половину пирожка, и ответ вышел смазанным.

– И каждый раз он ничего не берет? А если это как «Шесть Наполеонов»? У Конан Дойла есть такой рассказ.

– Ничего не взяли, потому что искали нечто совершенно особенное? Типа черной жемчужины?

– Ага...

– Посмотри на район. Тут жемчуга только те, что на развес продаются.

– Ну, не жемчуг...

– Ага, спрятано в цветочном горшке. И, главное, хозяин цветка ничего не заметил. Ни когда пересаживали растения, ни когда землю рыхлили...

С этим сложно было спорить. Конечно, пересаживают растения по-разному, и отношение к ним тоже разное. Но чтобы владелец ничего не знал? Странно как-то.

– А может, это для отвода глаз? Что-то взяли, а мы не знаем, что именно?

– А может, у кого-то крыша поехала.

– А...

– Это – район наркош, в том числе. И торгуют, и употребляют...

– И вы все знаете?

– Знать – знаем, сделать ничего не можем. Он же сволочь, у себя товар не хранит, сунет в пивную банку или под скамейкой прилепит, а потом только деньги собирает и говорит, куда пойти. Причем ладно бы лично деньги собирал, а то ведь, сволочи, новые технологии освоили, онлайн деньги переводят и эсэмэски рассылают. Не пойман – не доказано...

Ирина вздохнула.

– А если поймаешь?

– Тебе что – пятнадцать лет, такие вопросы задавать? И ловим, и стараемся, а их все равно не убывает. Тараканы медленнее плодятся. И учти, не для протокола...

– Да?

– Решение выпить, курнуть, ширнуться каждый всегда принимает сам. По дури, по слабости... что, не знают, чем закончится? Знают. Но добровольно уходят в могилу.

– Их ведь тоже кто-то любит.

– Их – да. А вот эти существа – я их даже людьми не называю, заметь, потому что за дозу они потом что хочешь сделают, хоть своего ребенка на части разорвут, никого они не любят. Иначе бы подумали, какую боль принесут родным, и остановились.

– А...

– Все, пошли есть пирожки.

По возвращении на работу Ирине пришлось писать рапорт.

Вообще, должен был это делать Александр. Но на что тогда здесь стажеры бегают? Так что девушка сопела, составляя рапорт, и думала, что в архиве...

Увы, Петрович, к которому она обратилась с этим вопросом, покачал головой.

Да, есть. Да, в архиве.

Сегодня перебежись, завтра, если захочешь – покопаясь. Найдешь на всякий случай все рапорты, вдруг где-то кто-то что-то пропустил. Хотя толку от этого будет мало. Но если заняться нечем...

Вечером Ирина решила все же пройти через тот квартал. Ну... так.

И вполне закономерно наткнулась на бабу Зину. Той было откровенно скучно, а стажер в качестве собеседника лучше, чем вовсе никакого собеседника. Так что пирожки были выставлены на стол.

Эх, прощай, фигура. Или нет? Не с ее образом жизни. Однозначно.

Так что Ирина с чистой душой наслаждалась плюшками. А чтобы не быть свиньей, выставила пачку чая. Дорогого, развесного. Не ширпотреб по тридцать рублей за пятьдесят пакетиков.

Разговор постепенно с пирожков перешел на обитателей квартала, а там, слово за слово, и пошел дальше.

– Симка? Ой, дура-баба, одно слово, дура.

– Я поняла... извините.

– Да чего тут извиняться? Если дура. Думаешь, с чего от нее дети разбежались и не приезжают? Ей дочь как-то раз внучку оставила, надо было ей в поликлинику, ну и побежала. Приходит – ребенок в детской комнате милиции... тьфу! Полиции! Переименовали, идиоты! Все плюются, ей-ей, как полицаи в Великую Отечественную! Интересно, чем наше правительство думает?

Скатиться в политику Ирина не дала.

– Как – в детской комнате?!

– А вот так. Малявке два года, Симка ее во двор выпустила, а тут муженек на рогах приполз. Ну, она его и начала поучать. Да нет, не скалкой, я ж говорю, дура! Он раз в два дня нажирается, а она все причитает, что мужик здоровье губит, да печень сажает, да...

Ирина только головой покачала.

– Жуть.

– А то нет? Взяла бы хоть раз скалку и провела бы разъяснительную работу. По той самой печени. Сил-то хватает, мозгов только нетути. Но ворота этот кретин оставил открытыми, а ребенку того и надо. Шаг, два – и на улице. А там машины, там люди... хорошо, нашлась добрая душа, отвела девчонку к ментам... извини.

– Да ладно! И похуже называют.

Баба Зина улыбнулась.

– И обижаются по-разному.

Ирина пожалала плечами. Вот уж что ее не трогало, так это названия. Вон, до революции МУРа не было, был Московский уголовный сыск, то есть МУС. Догадываетесь, откуда пошло слово «мусор»?

Что совершенно не мешало предшественникам ловить и сажать всю эту пакость. Хотя крокодилем назови, только на стойки не пускай.

– Ты б слышала, как тут Дашка орала, дочка в смысле. Вся улица слышала!

– Я бы убила, – честно призналась Ирина. – Вот взяла и пришибла.

– Ну и она хотела. А потом плюнула. Ума нет – и не добавишь.

Спорить было сложно.

– И разгром этот у них...

– И-и... тут это регулярно. Раз в неделю так точно кого-то разнесут.

Ирина аж головой помотала.

– А у нас столько заявлений нет.

– Не все их подают. Да и народ разный, и вообще...

Ирина не удержалась и вытащила из кармана ксерокс плана квартала.

– А вы не пометите, у кого было, а у кого не было?

– А ты решила в мисс Марпл поиграть?

– Она же старая!

– Ладно. Тогда мисс Марпл – это я.

– А я согласна на капитана Гастингса.

– Нет уж, ты дорастай повыше...

Ирина вздохнула.

Официально препятствий нет, хоть бы и генералом. А вот неофициально... сколько женщин-генералов вы знаете?

Единицы. Генерал-полковник так и вообще одна штука на всю Россию².

– Попробую. Так покажете?

– Не люблю я эти карты...

Совместными усилиями было проставлено аж четырнадцать крестиков. И Ирина положила себе пройти сегодня мимо, хоть посмотреть.

На языке вертелся вопрос, почему этим никто не занялся, но...

Она – стажер. У нее пока шилохвостьность повышенная. А ребята лямку тянут. Для них это рутина, так-то. И домашние дела, и быт, и... Да много чего.

Хотя одну закономерность Ирина уже подметила. Все дома были угловыми. Да или нет?

Проверим... Заодно и пирожки растрясем.

Растрясла. И порадовалась.

Впору было выдавать себе пирожок за сообразительность.

Квартал рассекали дорожки. Не сплошная застройка, двор во двор, а два дома рядом – дорога, еще два дома – опять дорога. Вдоль – два дома, поперек – четыре, этакая шахматная клетка. Участки хоть и крохотные, но друг от друга отделены. Неясно, почему так получилось, но удобно. И проехать, и пройти, и припарковаться...

Все дома были угловыми. Ну и что это может значить?

Ирина решила, что если еще кого-то обнесут, она попробует поговорить с Саней. Или с Петровичем. А вдруг прислушаются?

² Чистая правда, можете погуглить.

И пошла домой. В общагу.

Люся была в комнате.

Сидела, потягивала мартини из бокала с оливкой, разбавляла джин-тоником и выглядела донельзя довольной.

– Что случилось?

Ирина и так себе это представляла. Либо познакомилась с кем-то, либо премию дали...

– Ирка, садись, тяпнем!

– Люсь, сил нет. А пирожков хочешь?

– Мартини – пирожками?

Ирина коварно раскрыла кулек, и настроение Людмилы тут же поменялось.

– Давай!

– Так что случилось-то?

– Иришка, это класс! Такой случай раз в жизни бывает!

– Какой? Ты кого-то встретила.

– Нет. То есть да, но не в том смысле...

– А в каком? – тут уж и Ирина заинтересовалась.

– Я тут с одним перцем познакомилась... уже бросать его хотела, так себе, и в постели слабоват, два раза сунул-вынул и думает, дело сделал...

Ирина поморщилась.

Вот о постельных делах ей решительно слушать не хотелось. Довольно!

Люся фыркнула на подругу и перешла к делу.

– У него в Соротском районе бабка есть. Старая, уж под восемьдесят. Помирать собирается, слегла, за ней ухаживать надо.

– Ну и?

– Сам он не может, мужик же. Как ему горшки из-под бабы таскать?

– Да тут и женщина не каждая согласится.

– А я соглашусь, Ир. Он мне ее долю в хибаре, а горшки я повытаскиваю. А получу свои метры, хоть и убогие – можно будет и продать, и в ипотеку вступить... это на первый взнос накопить сложно. Хоть нам помощь и положена, но условий там – поди, получи! А если база будет, я справлюсь. Там, глядишь, и жизнь налажу. А то, что за любовь – в общаге-то?

Ирина кивнула.

– Дай Бог. А там ухаживать вовсе некому?

– Да есть там дочурка. Развонялась на три квартала: я не буду, я то, я се, у меня порог брезгливости повышенный, прикинь, какая паскуда?

– Порог брезгливости – к матери?

– Ага, небось, мамаша ей задницу подтирала, не брезговала.

– Люсь, а там точно с этой квартиркой чисто? А то горшки будешь ты выносить, а хату другой получит.

– Ир, а ты проверь? Твой же район?

– Ну, не мой...

– Но проверить можешь. И я попрошу наших ее пробить.

– Похвастаешься?

– Ага... у тебя завтра выходной?

– Ну да.

Пятница, знаете ли. Иначе б и Люся с мартини не сидела, и Ирина не гуляла допоздна. Спать хочется...

– Пошли с утра в магазин, ну и мимо пройдем? Колька мне показал, что где, с бабкой познакомил и ключи дал.

Ирина кивнула.

Доверию она не удивлялась. Люся же в органах работает и звание имеет, между прочим, капитан. А что ветер в одном месте играет... ну, бывает.

– Тогда пошли спать. Завтра еще в магазин...

Закупались дамы тоже совместно. Очень удобно, знаете ли.

На двоих закупить запас круп, макарон, сахар, какую-нибудь заморозку, соль, специи... ну и готовить на двоих. Дешевле и быстрее получится, особенно если по неделе дежурства разграничить. Вкусы у всех разные, но... женщины же!

Договориться всегда можно, те же макароны с сыром вообще универсальное блюдо, а если их правильно с тушенкой сделать – тарелку вылизать можно!

А если деликатесов захочется, можно себя чуток и побаловать. Люся спорить не стала, допила мартини и тоже отправилась спать.

Глава 2

Квартал был тот самый. И дом оказался угловой. Тоже вросший в землю, обитый разномастным сайдингом и с разноцветной крышей. Крыли кто во что горазд, отделявали так же... получилась дикая чересполосица, но раз людям нравится?

Люся поскреблась в окно.

– Прасковья Никитична?

Окно скрипнуло и приотворилось.

Люся посмотрела на Ирину с тревогой.

– Она его не открывает...

С точки зрения Ирины, в этом квартале на ночь надо было окна еще ставнями и решетками закрывать. Не то что открывать кому-то. И сажать у окна собаку. Или ставить капкан. Она бы точно так сделала.

Паранойя разыгрывалась при виде окон, в которые можно просто ногу поставить, прямо так, с улицы.

– Люсь, может, наряд вызовем?

– У тебя удостоверение с собой?

– Я не при исполнении.

– Мы только взглянем. И тут же вызовем, если надо. А если бабке срочно помощь нужна?

Ирина покачала головой. Но...

Ладно!

Авось, не убьют, да и их двое...

– Перчатки у тебя есть?

– Платком руку оберну.

Двор был тихим. Суббота, утро, кто спит, кто по рынкам гуляет, все заняты, всем не до соседей.

Дверь послушно приоткрылась под ключом.

– Нет, ну твою ж мать!

Да, эту картину Ирина уже видела. И угловой дом, кстати, тоже совпадал.

Все было разгромлено, а вот цветов... не было?

Нет.

Зато было тело пожилой женщины, которая лежала на диване и смотрела в потолок. И была она, похоже, безнадежно мертва. Да и запах сильно сомневаться не давал. Специфический такой.

– Люсь, тут – всё. Пошли, вызывать будем.

– Ты признаки насильственной видишь? Хотя тут беспорядок!... Все равно вызывать нужно...

Ирина огляделась. Признаки, не признаки... обыск есть, этого хватит. Не бабка ж тут все разносила в приступе безумия?

А вот ей хотелось проверить кое-что еще.

Подоконник.

Проходить в комнату не будем, потом голову оторвут, а вот сделать один шаг, чтобы приглядеться – можно. И шею вытянуть. Комнатка маленькая, этого с лихвой хватит. Подсветка в сотовом, чтобы было лучше видно.

Точно!

Здесь определенно стояли цветочные горшки! Вот и краска где выцвела, где нет! И грязь забилась в щели, так бывает, если цветок перельешь, вода и протечет на подоконник, а оттирать... видеть надо! И силы иметь!

Он же не пластиковый, он деревянный, старых времен. Попробовать фото сделать? Ну-ка, еще увеличим, есть! Хорошая штука – смартфон. Многофункциональная. Женщины вышли из дома, и Люся умоляюще посмотрела на Ирину. Та вздохнула и принялась набирать уже известный ей номер.

СОГ, то есть следственно-оперативную группу долго ждать не пришлось. Полчаса – по городским дорогам и пробкам вообще ни о чем.

Во двореке сразу стало тесно – пять человек, да потом еще судмедэксперт и представитель Следственного комитета должны подтянуться.

А то!

Убийство предположительно, не хвост кошачий.

Кинолог с собакой посмотрел и поморщился.

– Опять!

Ирина посмотрела на мужчину лет тридцати пяти. А что – опять?

Долго выяснять не пришлось. Мужчина с собакой сделал несколько шагов вперед, овчарка поджала хвост, прижала уши, стала словно бы меньше ростом и даже слегка заскулила. А потом овчарка попятилась и уселась своей попой на туфли напарника, сообщая всем присутствующим, что вперед она ни за что, никогда, ни одной лапой, ни даже коготочком! Нет! Не пойду!

Всем видом она показывала, что вы, конечно, люди, и главные, но не пошла бы я отсюда? Страшно мне, страшно! И вообще, вы как хотите, а мне вот в туалет надо! Срочно, здесь и сейчас!

Все наблюдали за этим концертом с разным видом.

СОГ – с пониманием, Ирина – с сочувствием, остальные – с искренним удивлением.

– Мы с Найдой тут, в тенечке, подождем, – решил кинолог, направляясь на ближайшую скамеечку. – Нам тут точно работы не будет.

Следователь, кажется, это был именно он, махнул удостоверением в воздухе.

– Майор юстиции Демин, Следственный комитет. Ну, рассказывайте, кто, что, как...

Люся улыбнулась, поглубже вздохнула, показывая бюст, и направилась рассказывать. Ирина даже не лезла, ее сторона тут десятая.

Знать она ничего и никого не знает, адреса, пароли, явки – тоже у Люси. Ей и рассказывать, а Ирина лезть на глаза не будет, посидит тут, с кинологом.

Пусть профессионалы работают, все осматривают, да и знак, похожий на козла, тоже в протокол заносят. Серия ведь...

И никто, и ничего?..

Или все-таки кто-то работает в этом направлении? Может, удастся выяснить?

– Красивая какая.

Здоровущая овчарка принялась и шевельнула хвостом. Мол, ты мне тоже нравишься.

Говорила Ирина вполне искренне, собак любила, особенно таких, больших и умных, с серьезными глазами и улыбающейся пастью. Да и на хозяина никаких видов не имела, и духами не воняла.

Можно потерпеть. Пусть сидит.

– Можно?

– Найда, свои.

Ирина почесала подставленную лобастую голову.

– Умница какая.

Влажный собачий язык прошелся по руке. Мол, ты не отвлекайся. Языком разговаривай, а руками – чеши!

– Она у меня такая!

– А почему вы сказали, что пользы никакой?

Кинолог покосился с подозрением, и Ирина поспешила представиться. Даже удостоверение предъявила по всей форме.

– Коллега?

– Стажер. Пока...

– А потом участковый?

– Ага...

– А чего не к нам? Ты зверей любишь...

– Не люблю смотреть, как люди ведут себя хуже зверья, – язвительно ответила Ирина.

Кинолог от души фыркнул.

– Это да. Как с овчарками пообщаешься, так потом в троллейбус войти тошно. Никогда собаки себе такого не позволяют, если это не последние шавки. Да и те... их-то жизнь заставляет, а люди для себя выбирают. Федя. Будем знакомы.

– Очень приятно. А почему все-таки...

– Да потому, что собака тут бесполезна. Вообще.

– Перец? Или химия какая?

– Что самое интересное – нет. А собака все равно в ту комнату не пойдет.

– Вообще никак?

– И ни за что. Найда уже в паре таких мест бывала... вот не сойти мне с места, она словно хищника чувствует. Большого.

– Хищника?

– Тоже не веришь...

– Да просто кто туда вместится-то? В эту конуру для кошки?

Федя только плечами пожал.

– Не знаю. Но выглядит это именно так. Боится она, понимаешь?

Ирина кивнула.

У них собака была дома. Понимала, конечно.

– И так в каждом месте?

– Ага, где эта рожа козлиная отметилась.

– Понятно...

Осмотр шел своим чередом. Судмедэксперт возился с телом, осматривая его, чтобы можно было отправить в морг.

Люся беседовала со следователем, оперативник опрашивал пока соседей, но все без толку. Никто ничего не видел, не слышал, не почувствовал, а человек померши.

Отчего? Вроде как смерть естественная. Инфаркт, похоже, но отчего? И до или после визита грабителя? Или вообще – во время одного? Много ли пожилой женщине надо?

Стукнули в окошко, вот и инфаркт пришел.

Соседи сходились в одном. Прасковья была одинокая, хоть и при родственниках. А не привечала она их никого. Не любила, не уважала, чуть ли не тряпкой из-под окна гоняла.

Найда попросилась в туалет, и кинолог вышел со двора. А к Ирине тем временем на скамейку подсел один из местных жителей, по виду не просыхающий уж неделю. А то и побольше, с месяц.

– Этот маньяк, значит, и до Парашки добрался?

Ирина пожалала плечами.

Разговаривать с такими кадрами изначально бессмысленно. Знать-то они кое-что могут, да только вы никогда знать не будете, то ли это правда, то ли это их алкогольная галлюцинация. Живут по принципу: сам придумал, сам поверил... есть и другие, но этот – типичный синяк.

– Наверное, этот.

– Моя баба грустить будет. Они с Парашкой дружили.

У него еще и баба есть? Вот ведь... героическая личность!

Алкаш хмыкнул.

– А ты думаешь, я вообще уж и мозги и дом пропил? Э, нет, я не алкаш, я пьяница.

– В чем разница? – заинтересовалась Ирина.

– Алкаш водочку кушает, пока не подохнет. А у меня запои. Да, раз в полгода срывает меня, вот, на пару-тройку недель, я свою норму выкушаю – и опять домой. А так-то я столяр не из последних.

Ирина покосилась на хибару, на которой не было никаких признаков столярного искусства.

– Не веришь? Это зря. Я вообще не здесь обитаю, хата эта моей бабе от матери досталась, а так-то у нас квартира на Мостовой. Просто баба моя там, дети, внуки... к чему им на такого деда смотреть? Меня, кстати, дядя Коля зовут. Николай Петрович, но это – там, в мастерской.

– Приятно познакомиться. Ирина. Лейтенант, стажер...

– Мелочь, короче, зеленая. Молодая поросль. Понятно.

Ирина пожала плечами, мол, есть такое, и поменяла тему.

– А вы уже... выходите из запоя?

– Не, это я как раз похмелился... Кстати, у нас про Парашку много чего интересного рассказывали. Она и с моей бабой дружит.

– Дружила...

– Ну да. Иконы ей отдала, штук шесть, моя их к нам утащила. Парашка говорила, что ее родственники все разматают, ни сберечь, ни сохранить не сумеют, им бы лишь сейчас пожить, а что там потом будет – гори оно ясным пламенем.

Точнее Ирина выяснять не стала. Судя по Люсиному рассказу... кто там был?

Дочка с повышенным порогом брезгливости? Внук? Интересно, по дочкиной линии, или как?

А, все равно, плохо это звучит... хотя не ей судить. Она никого тут не знала, любая ее оценка будет неправильной. Может, эта Прасковья такой заразой была...

– А вообще Прасковья добрая была?

Алкаш, то есть идейный пьяница, дробно захихикал.

– Парашка-то? Да ты что! Так могла приложить, костей не соберешь. Мать у нее, говорят, вообще ведьмой была.

– Seriously?

– Я-то ее не застал. А Парашка рассказывала, к ее матери весь район мотался. След она искала, от пьянства отворачивала...

– Гадала на любимых...

– Вот это – нет. Парашка особо подчеркивала, что по бабьей магии ее мать не работала. Не тот дар. А ей, мол, не передался, и дочь неудельная, а внук вообще не родной.

– Да?

– Он дочкин от второго брака, усыновленный. А дочку Парашка еще с тех пор не любила, как та аборт сделала. Моя рассказывала, Парашка ее родить аж умоляла, говорила, другого шанса не будет... Ты что думаешь? Так и не родила потом Клавка.

Ну, после аборт это осложнение известное. Природу обмануть не выйдет, она свое возьмет, раньше ли, позже...

Эксперт, оперативник и дежурный участковый тем временем занимались осмотром места происшествия. Может, и Ира подпряглась бы, но места просто не было. Там и трое-то с трудом помещались.

Тело уже вынесли во двор и ждали труповозку. Так что пользы от Ирины не было, оставалось болтать с местным аборигеном. Вот, к примеру...

– А цветы Прасковья любила?

– У нее их много было. Она последнее время их раздавать начала по соседям.

– И вам тоже?

– Бабе моей. Та все к себе забирала, кстати, растения у Парашки были знатные. Все колосилось. Что хочешь могла вырастить! От помидоров до орхидеев!

– А дома или дачи у нее не было? Если она так любила растения, купила бы участок да возилась?

– Раньше было, потом продала. Возраст же...

– А чего отсюда не переезжала? Тяжело же! Вода из колонки, газа нет, баллон стоит...

– Парашка говорила – привыкла. Не хотелось ей. Не то, что не могла, а именно не хотела почему-то. Говорила – судьба такая.

Странно.

Осмотр шел своим чередом. Опрос свидетелей, Ирину с Люсей вообще попросили написать рапорт. Внуку звонили, тот приехать не смог, сказал, что сейчас в области. Часов через шесть в городе будет. Дал телефон дочки Прасковьи, то есть своей матери.

Кажется, той звонил следователь.

Ирина решила, что выходной не пропал. Что-то они сделать не успеют, но разве плохо вот так? Посидеть, подышать воздухом, никуда не торопясь поболтать с людьми, опять же, работы с нее не требуют, а рапорт напишем и отвезем. Дело нужное.

Следователь квалифицировал предварительно смерть Прасковьи как причинение смерти по неосторожности. Пока. Потом еще видно будет, после вскрытия, но скорее всего, это именно так.

Полез грабитель в окно, тут бабку и накрыло. С летальным исходом.

– ГДЕ МОЯ МАТЬ?! – Вопль был таким, что подскочил, кажется, даже труп Прасковьи. Пьяница свалился со скамеечки и потряс головой.

– Клавка, с-сука!

Глядя на то, что появилось во дворе, Ирина никак не могла согласиться. Разве можно сравнивать милейшее существо – Найду и вот *это*? Никак нельзя. Это оскорбление всего собачьего рода, со времен творения.

Ворвавшаяся во двор женщина больше всего походила на атомную бомбу. Хоть конусообразными, плавно расширяющимися книзу формами, хоть взрывом на башке, хоть пронзительным голосом. Жутким.

Рыжие лохмы топорщились во все стороны, круглое лицо кривилось в неясной гримасе, развевалась непонятная хламида, при виде которой задохнулся бы от восторга Альбус Дамблдор – столько на ней было бисера и блесток.

Следователь поспешил к вновь прибывшей.

– Здравствуйте, Клавдия Ивановна...

Увы, слова сказать ему не дали. Не предусмотрено было.

– МАМА!! – Трагический вопль. Потом бабища упала на колени рядом с телом и разревелась в три ручья. Или не разревелась?

Завыла – точно. Заголосила, заскулила.

– На кого ж ты меня покинулаааааа, сиротииннууууууу...

Пьяница помотал головой.

– Ну все. Это теперь на два часа. Кликуша, е...

– Всегда так? – в полный голос уточнила Ирина. А чего стесняться, за этим воем бензопилу «Дружба» не услышишь, не то что собеседника.

– С детства. Парашка ее пока лупила, тут поприличнее было, а как Клавка выросла да замуж вышла, так с этой дурищей никакого сладу не стало. Пошел я, водовки хлопну. А то глядя на эту комедь – с души воротит. Тебе не предлагаю...

Ирина пожала плечами. Мол, я бы со всем нашим уважением, но – нельзя.

– Ну, сиди тогда. Хорошая ты девка, хоть и ментовка. А уши лучше заткни, эту дуру если палкой никто не треснет, она еще пуще разойдется.

И удрал.

Ровно через пять минут Ирина поняла, что дядя Коля, хоть и выпивши был, оказался со всех сторон прав. Именно так.

И разошлась пуще прежнего, и развизжалась, и конца-края этому видно не было. Но... Безвыходно.

Они при исполнении, им нельзя ни бить, ни пить. А иногда так хочется!

Пойти, что ли, пока по району побродить? Недалеко?

Домик, вон, навестить, с ромбиком на дверце, пирожок какой купить...

Люся была занята. Она пыталась успокоить дочку потерпевшей, хотя Ирине показалось, что подруга больше демонстрирует майору свои красоты и виды, чем реально помогает.

Ну и ладно, должно быть у человека в жизни что-то хорошее? Какие-то приятные впечатления... посмотреть там есть на что. Пусть развлекаются.

Рапорт она напишет, нужды в ней нет, ну и чего?

Ирина отправила Люсе на телефон смс и выскользнула за ворота.

Вернулась она через час. Истерика еще продолжалась, алканарий как в воду глядел. Все выглядели изрядно утомленными, но дама не унималась.

Она СТРАДАЛА.

Красиво, вдохновенно, точь-в-точь как в сериалах. Ирина махнула Люсе и протянула ей пакет.

– Тут на всех. Спасибо дядюшке Робину.

Салатов не предвиделось, но булки с сосисками вполне достойная замена. И стаканчики с кофе и чаем, кому что понравится...

Из окружения истерички мигом исчезли четверо человек, почти материализуясь рядом, оперативник выхватил булочку и буквально вгрызся в нее.

– Шпашибо.

– Кофе. Салфетка. И вот – горчица, – протянула Ирина самое жизненно необходимое.

Мужчины жевали.

Истерика постепенно стихала, лишившись зрителей. Наконец тетка отряхнулась и встала. И была тут же препровождена в дом, разбираться, что пропало и что осталось.

Истерика пошла заново. Как оказалось, пропало ВСЁ.

Три магнитофона, три куртки кожаных, три портсигара золотых... нет, тех – шесть, иконы старинные, особо ценные, ваза хрустальная, картина...

Когда вы у матери были последний раз?

Э-э-э... около года назад. Или полтора.

Могла она это продать, подарить...

Нет ответа.

Обычно на всю процедуру, с допросами, протоколами и прочим, уходит три часа. Иногда даже меньше. Сегодня ушло шесть.

Потом квартиру опечатали, и все посторонние, в том числе и Ирина, наконец смогли тронуться со двора. Чтобы натолкнуться на дядю Колю.

– Уходите уже?

– Уже?

– Так Клавка могла и полдня блажить. Дурная баба, что тут скажешь? Парашка все сокрушалась, род прервался...

– Она с рождения такая?

– Ты знаешь, нет. Жена говорила, сначала Клавка нормальная была, а в какой-то момент как пошло и пошло... Парашку жалко. Хоть и стервь она была, а все ж баба правильная.

Дядя Коля как-то даже ссутулился. А потом вдруг просветлел лицом.

– Слушай, а погоди пару минут...

Ирина пожала плечами, переглянулась с Люсей и осталась на месте.

Дядя Коля влетел во двор и через пять минут вылетел оттуда с большим керамическим горшком, в котором покачивало листьями какое-то непонятное растение.

– Что это?

– Вот, возьми. Парашку помянешь. Это вербена, она ее на подоконнике выращивала, к чаю... у меня-то такого добра вагон на даче, а тебе, глядишь, и пригодится.

Кустики покачиваются под ветром, приятно пахнут.

– А давно вам соседка ее отдала? – сделала стойку Ирина.

Дядя Коля махнул рукой.

– Да не так, чтобы уж. Слегла когда, вот и отдала. Ей ухаживать не под силу было, а я все никак его до дома не дотащу. И поливать забываю... жалко, погибнет...

Ирина переглянулась с Люсей. С одной стороны, они не могут ничего брать на месте преступления. С другой – это и не так. И не на месте, и не было там этого горшка, и потерпевшая сама его отдала, и им сейчас все отдают добровольно...

– Вы уверены? – на всякий случай спросила Ирина.

Дядя Коля вдруг ухмыльнулся.

– Во-во. И я Парашку спрашиваю, мол, ты уверена? Может, хоть оборвешь да засушишь? А она посмеялась так, и говорит – я до зимы не доживу, лучше сейчас все добром отдать. Как чуяла... Вот и я добром отдаю. Берешь?

– Беру, – согласилась Ирина. И потащила тяжелый горшок.

Люся шагала рядом.

– Так... день пропал. Квартирка мне не обломится. Ну, хоть горшок с цветком, и то хлеб.

– Вот и помогай нести, если хлеб, – огрызнулась Ирина.

– Вот еще. Тебе подарили, ты и тащи.

– Ну и потащу. Смотри, какой красивый.

Горшок и вправду был шикарный. Явно старый, тяжелый, из обливной керамики. В несколько цветов, переливчатый такой, синий цвет плавно переходил в багровый, тот в зеленый, и безвкусным это не казалось. Павлиний хвост ведь не вульгарен? Такой же была и подставка под горшок. Вербена в нем выглядела не слишком интересно. Сюда бы розу или орхидею... одним словом, что-то экзотическое.

– Ладно. Смотреться он будет, – признала Люся. И вытащила из сумки пакет. – Ставь сюда, вместе понесем.

На окне в общаге горшок особенно не смотрелся. Чужеродный элемент, иначе и не скажешь. А дядя Коля и правда не поливал несчастное растение, земля аж растрескалась. Как еще трава держится?

Люся махнула рукой, не мешая подруге заниматься, и ушла в душ.

Ирина набрала воды в бутылку и принялась лить тонкой струйкой. Земля впитывала воду. Порыхлить чуток?

Черт! Рука дрогнула, и вода пролилась чуть мимо горшка. Ирина схватила тряпку и принялась промокать ее. Потом вытерла бок горшка, сняла его с подставки... а почему он так неустойчиво стоит?

Вот на подставке – ровно, а сейчас кренится на один бок? Скол какой-то?

Ирина подняла одной рукой горшок, а другой провела под ним, ощупывая дно чуткими пальцами.

Что-то отломилось и упало ей в ладонь. Ирина от неожиданности вытащила руку и отпустила горшок. Тот встал, как ни в чем не бывало, и теперь уже не кренился. А в руке у нее осталось... Больше всего это походило на монету.

Старую, из темного металла, к которой зачем-то приварили ушко. Вот, оно и мешало.

Размер? Дореволюционный пятак.

Рисунок? С одной стороны коловрат с концами, загнутыми против солнца. С другой – змея, свернувшаяся клубком. Кажется, так...

Кругляшок и темный, и чистить его надо, так ничего не разберешь. Может, это то, что искали?

Ирина подумала и чуть сама себе пальцем у виска не покрутила. Вот еще, чушь какая. Искать – такое? Да такого хлама в любой антикварной лавке вагон, грести лопатой замучаешься.

Не золото, для золота легковат. Ирина поставила бы или на медь, или на бронзу.

Снаружи зашумела Люся.

Ирина оглянулась... куда сунуть? В карман халата?

Дальше она действовала по наитию. Или по придури?

Цепочка с крестиком была расстегнута, на нее надет кружочек, и цепочка застегнута вновь. Отвечать на Люсины вопросы почему-то не хотелось.

Показывать монетку и рассказывать о ней? Вдвойне не хотелось.

Это была Ирина тайна и ее дело. Всё.

Обычно сны Ирине не снились. Никакие. Или кошмары виделись, после которых она просыпалась и долго лежала в темноте, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце.

А вот в этот раз... Ей приснился лес. Большой величественный, с громадными соснами. И она медленно шла по тропинке. Та прихотливо вилась между деревьями, показывая самые красивые и заповедные места, давая полюбоваться то роскошным белым грибом – в локоть вырос, шляпка – хоть на голову надевай, то алыми волчьими ягодами, то веселым дятлом на сосне, то хитрой сеткой паутины...

Тропинка выводила на большую поляну, на которой стояла избушка. Ничего вроде частокола с черепами у нее не было. И курьих лап не было. И...

А вот выглянувшая из дома бабка больше всего походила как раз на Бабу-ягу. Уставилась на Ирину, улыбнулась, рукой поманила.

– А-а... преемница? Ну, заходи, учить тебя стану.

Стоит ли упоминать, что утром настроение у Ирины было замечательным? Его не испортило ни Люсино ворчание, ни работа.

Рапорт? Ну и пусть его, напишу!

Архив? Значит, шагом марш в архив.

Подумаешь, какие мелочи! Переживем!

Ирине было хорошо, спокойно и уютно. Впервые за полтора года. И это настолько отражалось на ее облике, что девушка просто светилась.

Улыбалась, беззлобно отшучивалась, просто светилась. Чувствовала Ирина себя так, словно с плеч упал давний груз.

Простила и отпустила? Нет, не так... И не прощала, и не думала она о том случае, и...

Просто как будто все это происходило не с ней. Совсем не с ней. Это отметили даже сослуживцы.

– Иришка, цветешь, – пошутил Петрович.

– Ага, и пахну «Шанелью», – ответила девушка, продолжая порхать по кабинету.

– Шинелью.

– Вам, мужчинам, можно и портянками, все равно успехом пользоваться будете.

Вышло это совершенно беззлобно и ни капельки не кокетливо, так что Сеня недоуменно переглянулся с Колей. Ни смущения, ни какой-то другой реакции, с тем же успехом Ирина могла бы в детском саду отшучиваться.

Стоит ли говорить, что вечером Ирина легла на час раньше. И опять оказалась в том же самом лесу, на той же тропинке.

Что-то неладное? Да ей такое и в голову не пришло. И про монетку она забыла, словно и не было той никогда. Висит – и висит себе, кушать не просит.

И уж точно Ирина не думала, что искали эту монету. Быть такого не может! Почему? Да потому что никогда не бывает. Что это – роман, что ли? Вот еще...

Следующий день начался с вызова из дежурной части. Куда?

В тот самый дворик, в котором Ирина была в выходные. Сердце невольно екнуло. А когда она увидела труп, еканье повторилось.

Дядя Коля лежал в луже собственной крови. И горло у него было разорвано так, что голова держалась на обрывках мышц, даже позвоночник перебили.

Кровь хлынула фонтаном, и в этой крови были следы. Не человеческие.

– Медведь, похоже, – опознал Иван Петрович. – Видел я такое...

– Медведь Баскервилей? – мрачно пошутил кто-то.

Действительно, в медведя-маньяка совершенно не верилось. В лису, которая рвет горло человеку, а потом уходит, закрыв за собой дверь, тем более. На такое только люди способны, звери ведут себя намного приличнее.

Собака мнение насчет медведя подтвердила. Медвежьей болезнью, аж за три метра до входа в дом. И продолжала выть и гадить, пока кинолог пробовал затащить ее внутрь. Пришлось отказаться от попыток, пока овчарка совсем на навоз не изошла. Но медведь? В городе? Да что за бред-то?

И никаких следов человека?

Ирина бегала по мелким поручениям, помогала осматривать место происшествия и все время давила в себе одну и ту же мысль. А если это из-за нее? Если кто-то сказал, что дядя Коля отдал ей горшок с цветком?

Если... Если теперь придут за ней?

Говорить или промолчать? Но сказать про монетку? Немыслимо.

Ирина бы скорее руку себе оторвать позволила, чем рассталась с черным кругляшком. А вот про горшок можно.

Так что девушка вздохнула и пошла признаваться Ивану Петровичу.

Против всех ожиданий нагорело ей не сильно.

Ну, горшок. Ну, с цветком. За это не убивают.

За что убили алканария? Да увидел теперь что-нибудь или ляпнул, что видел. Они ж пьяные, дурные, что те паровозы, поди, пойми, куда их занесет? А похвастаться хочется...

Вот и трепанул поганым языком. Ну а кто услышал, что подумал...

В горшке бриллиантов не было? Нет? Значит, и не заморачивайся. Иди, вон, в архив, ищи такие же случаи.

Ирина вздохнула – и пошла.

В архиве она уселась за стол и принялась тыкать в телефон.

Символы, кругом символы.

Достала кругляшок, подумала пару минут. Сфотографировала символ на нем и попробовала найти его в интернете, благо тот ловил неплохо. Толку-то!

Коловрат. Солярный оберег древних славян. А вот то, что лучи направлены противосолонь...

Ведьмин оберег. Так и написано было, практически прямым текстом. Обозначает ясновидение, позволяет ведьме ведать и защищать, оберегать и хранить.

Змея? Тут ничего толком и не скажешь. Про змей столько за эти века написали, что у чешуйчатых, небось, линька раньше срока начинается. И такие они, и сякие... Какую трактовку брал данный конкретный человек – не угадаешь. Просто не поймешь.

То ли мужское начало, то ли василиска, то ли еще какое? Вон, на Крите жриц как раз со змеями изображали, и Асклепия тоже – того, со змеями.

Тут – глухо.

А вот что с «козлячьей мордой»?

Ирина подумала пару минут и принялась копать дальше. И таки нашла нечто похожее. Настолько, что несколько минут смотрела и не могла понять, как же раньше никто не сообразил.

«Козлиной головой» была всего-навсего перевернутая руна «Одаль». Просто в достаточно своеобразном написании.

Почитаем?

Самая последняя руна футарка. Или – первая с конца?

Так, в прямой трактовке это наследие, традиции и устои. В перевернутой – сложности, конфликты, убытки. В принципе – да, это есть. Но зачем ее рисовать? Кто и что хотел сказать этим футарком?

Да кто бы тут вообще о чем догадался?

Ирина и сама не была гениальным специалистом, но техника развивается, а интернет дает возможность перелопатить столько информации, что даже подумать страшно. Раньше бы она из библиотеки неделями ради этого не вылезала, а сейчас...

Фотография, специальная программа, поиск соответствия в интернете – и радуйся, подруга. Ирина и радовалась. Ровно до тех пор, пока не положила свои выводы на стол Ивану Петровичу, а тот не повертел пальцем у виска.

– Успокойся. Дело все равно у нас заберут, такое не оставят.

Ирина это подозревала.

– Но сказать же стоит...

– Ага, а знаешь, что мы в ответ услышим?

– Что?

– Меньше ужастиков смотрите, полезнее будет.

Ирина надулась.

– А если это правда?

– Ага, древние скандинавы выползли. Или кто-то про Тора посмотрелся... Что-то такое недавно по телеку гоняли...

– Это еще символ пары рот СС, я даже записала каких...

– И нацистов не добились. Тебе что – заняться нечем? Так я тебе сейчас найду работу.

И поди, поговори тут...

Вечером Ирина жаловалась Люсе.

– И даже не выслушали, прикинь?

– Иришка, ну чего ты расстраиваешься? Дело у вас забрали?

– Да. В Следственный комитет.

Ирина была свято уверена, что это – серия, но кроме нее таких умных не было. Так что ФСБ пока бездействовало, а вот Следственному комитету сам Бог велел работать.

– Вот пусть у них голова и болит. А тебе чего горевать?

Ирина махнула рукой.

– Чего-чего... обидно. Понимаешь, человек-то был хороший...

– Ну так ты сама, будет время, сходи да расспроси. Может, чего и найдешь?

Ирина вздохнула.

– Попробую.

Просто так сдаваться ей не хотелось.

Люся смотрела с улыбкой и думала, что Иришка на их работе еще не перегорела. Только надолго ли? Ох, что-то она сомневается.

– Спать будем?

– А, давай...

Проснувшись Ирина с улыбкой. Она так последнее время всегда просыпалась.

В этом сне она как раз изучала змей. Брала с пенька гадюку, и та не кусалась. Шипела, обвивалась вокруг руки, открывала черную пасть... Кто сказал, что змеи скользкие? А туфли из крокодиловой кожи у вас не скользят? Обычные они, как кожаный ремень, сухие и прохладные. И всегда заняты делом. А потому со змеей можно договориться, можно разойтись миром, можно вообще не встретиться. Только на хвост ей не наступайте и не причиняйте вреда. А змея уж точно не глупее человека.

– Ты во сне шипела, – сообщила Люся.

– Серьезно?

– Более чем. Тихо, но отчетливо так, сссс...

Ирина пожала плечами.

– Мне снилось, что я со змеями разговариваю.

– Фу. Завязывай ужастики смотреть на ночь, а то еще и не такое приснится.

Ирина фыркнула и отправилась в душ. Один из отсеков был свободен, и девушка принялась тереть себя мочалкой.

Ой. А это что? Цепочка, на которой висели раньше крестик и монетка, оставалась на шее. Но крестика не было. А монетка осталась. Наверное, ушко разогнулось. Вот и упал.

Надо или в комнате поискать, или новый купить. Сильно верующей Ирина себя не считала, но кто его там знает? С верой, как с ОСАГО, может, и не попадешь ты в аварию, но страховку купи. Пусть будет...

Ладно. На выходных сходит, свечи поставит, ну и заодно крестик себе новый купит, если старый не найдет. Все равно дешевка серебряная, копейки стоит. Делают их чуть ли не из вилки, там процент серебра ничтожный, да и качество – штамповка дешевая. Вот и теряются...

В комнате крестика не обнаружилось. Ну и пусть его. Невелика потеря!

Глава 3

На работе пока было тихо. Никого не убили, никуда не вызывали.

Ирина достала телефон и принялась разглядывать следы в крови. Сфотографировала для себя, вот и пригодилось.

– Чего смотрим? – Саня заглянул через плечо.

– Да вот, видишь? Думаю, откуда в городе мог медведь взяться и как он туда пролез. Да и следы мелковаты, и не удержался бы медведь...

Саня фыркнул.

– Эх вы, поколение пепсюков.

– Сам ты! – обиделась Ирина.

– Ты хоть «Полосатый рейс» смотрела?

Ирина попробовала вспомнить.

Ну да, вроде слышала, а смотрела ли? Саня закатил глаза.

– Вот в чем беда! Всякую ахиною типа «Розы-мимозы» и «Горбатого, убивающего Хрипатога» или там «Зеленого змеехвоста» народ смотрит, а классику боится. Как же! Серьезное, думать надо, да еще развиваться потом начинаешь! Ладно, смотри!

Ролик, в котором буфетчица ползала по кораблю, оставляя «натуральные тигриные следы» произвел впечатление.

– Думаешь, там тоже так было?

– А чего сложного? У нас ролевики бегают – вагон. Купи обувь на этих самых – и шлепай хоть медведем, хоть крокодилом. Только второе сложнее, там еще хвост цеплять надо.

Ирина задумчиво кивнула.

– Да, наверное. Я как-то не сообразила...

– А я еще раз повторю – классику смотреть надо. А не дешевые сериальчики из инета качать.

– И на сериалы времени нет.

– А сходить с красивым мужчиной в ресторан? – подкрался Сеня.

– Только по работе, – категорически отказалась Ирина.

– А я по работе и приглашаю. Директор подозревает, что у них там воруют по мелочи...

– Камеры поставить карма не позволила? – не понял Саня.

– Жаба. Жирная и зеленая. Знаешь, сколько сейчас за них ломают?

– Да вроде недорого...

– Но воришка-то тоже будет знать, где они стоят. Если такие, которые недорого. А дорогие – ресторанчик небольшой. Да ты его знаешь, Сань. Это самвеловская «Чайхана».

– Знаю. Сходите, человек хороший...

Ирина поняла, что ее не «клеят», а приглашают по работе, и успокоилась. Чего б не сходить?

«Чайхана» оказалась симпатичным ресторанчиком. Маленьким, всего на шесть столиков, но все были заняты. Люди сидели, сосредоточенно жевали, за стойкой распоряжались девушки в белом, в приоткрытую дверь виднелась кухня. Тоже небольшая, но чистенькая.

Ни восточной пышности, ни украшений, ни каких-то невероятных занавесей – почти обычная столовая. Темное дерево столов и стульев, светлые стены и потолки.

Ирина бросила взгляд на стойку. Хм, а цены чуть не в два раза выше? Вот та же самса с говядиной? Она по семьдесят рублей покупает, а здесь сто двадцать? И салат дороже, и лаваш...

– Дорого.

– Здесь дороже, да, но народ все равно ходит, – пояснил Сеня. – Самвел хорошие продукты покупает, ничего тухлого не кладет...

– Барев дзез³, товарищ участковый! – Сам владелец кафе себя ждать не заставил. Этакий типичный армянин лет пятидесяти, полный, усатый, с роскошными черными волосами, с легкой проседью, с белозубой улыбкой, которая заставила бы горько плакать стоматологов. А зачем они нужны при таких клыках?

Ирина с грустью вспомнила про свои две пломбы. М-да...

– Самвел Аветисович! Рад вас видеть!

– Пообедаешь?

– Как обычно. Сначала разговоры, потом дела.

– Какие могут быть дела на голодный желудок? Да еще с тобой такая очаровательная девушка!

– Это не девушка, это стажер!

– Сеня, Сеня... Девушка может быть стажером, но все равно остается прекрасной девушкой. И стыдно этого не замечать.

– Самвел Аветисович...

– Ну пойдем, поговорим...

Кабинет у директора был небольшой, но светлый и уютный. И опять без лишней восточной пышности. Единственное цветное пятно – ваза. Вот та – да. Роскошная, шикарная, явно авторская работа, изображающая извержение вулкана. Коричневое стекло, красное, оранжевое...

Интересно, что можно в нее поставить? Астры, огоньки, настурции. Вот орхидеи или лилии смотреться не будут, а что-то такое – вполне.

Сеню усадили в кресло, Ирину устроили на диване, снабдили потрясающе вкусным кофе и подносом с восточными сладостями и принялись рассказывать.

Проблема была простой.

Воруют. Тащат хоть и по мелочи, но неприятно. То столовые приборы, то продукты, то скатерти... и главное, и за руку не поймаешь, и обыскивать всех не станешь... дело-то минутное. Выскочил якобы покурить, передать кому-то – и обратно.

Камеры ничего не фиксируют, хотя и стоит парочка, но поймать никого не удастся. Обидно.

Что самое плохое, Самвел старался создать хорошую атмосферу в коллективе, а из-за воришки и он начал волком смотреть, и люди друг другу не доверяют... Плохо это. Очень плохо.

Сеня вздохнул.

– Заявление пишем?

– Семен Игоревич, ты сначала с людьми поговори. Найди мне гадину, я уж сам разберусь...

– Самвел Аветисович...

– Да нэ стану я бить! Нэ стану! – от волнения в речи Самвела прорезался акцент. – Но на рынкэ эта тварь нигдэ нэ устроится!

– Ну, смотри сам. Поговорить – поговорю.

– Я сейчас скажу людям, пусть сюда приходят. Поговоришь, посмотришь...

– Каждый день тащат?

– Да.

– Ну, тогда давай приглашать. Ириш, будешь протокол вести.

– Так точно, – кивнула Ирина. И потянула бумагу из планшетки.

³ – Здравствуйте (армян.).

Эх, где вы, нетбуки и макбуки, почему вами не комплектуют участковых? Как удобно было бы набирать текст напрямую! Но – нет в мире совершенства.

Сеня опрашивал. Ирина писала и писала. Протоколы были похожими, как под копирку: имя, фамилия, отчество, нехитрые вроде бы вопросы... Классическая фраза: «С моих слов записано верно, мною прочитано». Число, подпись...

Люди. Повар и двое помощников. Продавцы. Официантки.

Вот, одна из них... Что царапнуло Ирину, кто бы ей сказал?

Худенькая, совсем еще девочка, коротко остриженные прямые волосы, темно-русые, чуть потемнее, большие серые глаза, щуплая фигурка. Вид – самый невинный. Но почему эта девушка так не нравится Ирине?

Бабская зависть? Ревность к более симпатичной? Или что?

Ирина и сама не могла определиться. А вот Сеня слушает, кивает, поплыл уже.

Ну да, бедная девочка, приехала из деревни, в городе устроиться сложно, только официанткой, на высшее образование не хватает, если только в колледж на следующий год, в этом она просто не успела... Да, квартиру снимает...

И опять царапает. Врет. Ирина буквально чувствовала ложь. Словно в музыку вдруг влилась фальшивая нота или вилкой по стеклу провели.

Благо, девушка ее видеть не могла, так что Ирина скорчила Сене рожицу.

Сеня посмотрел внимательно.

– Семен Игоревич, можно вас на минуточку?

– Да, конечно. Настенька, посидите минутку, сейчас я вернусь.

Ирина вышла первой, за ней Сеня.

– Что случилось?

– Врет она.

– Чего?

– Да много чего. И приехала она не в этом году, и учиться не собирается, и живет не одна, а с любовником.

Ирина и сама не знала, откуда что взялось. Но язык выдавал слова сам по себе, наплевав на хозяйку.

– Ты откуда знаешь?

– А ты проверь? Если я не наврала, значит, наврала эта... Настенька.

Тоже мне, нашлась героиня сказок Роу. И голос тихий, и глазки в пол, только вот не те сказочки это, которые хорошо заканчиваются, ой не те.

– Здесь она недавно работает...

– Проверь? Откуда она родом?

– Из Кочетовки.

– Вот, если туда позвонить?

– Вряд ли смысл будет.

Сеня сомневался. Но в то же время, что он теряет? Работа приучила его относиться к людям настороженно, как водится, чем красивее гадюка, тем она ядовитее. Может, и тут – тоже?

Откуда знает Ирина? Да кто ж их, баб, разберет, может, видела чего или слышала... сама расскажет. А проверить несложно.

Допрос в комнате пошел по второму кругу.

– Настенька, а ваши родители?

– Умерли.

– А какие-то родственники у вас остались?

– Да, тетя...

– Телефон, пожалуйста.

– Зачем?

И впервые какие-то искренние эмоции. Явно эта просьба Насте не нравится.

– Позвоню, узнаю, что и как. Работа такая, кто-то должен подтвердить ваши слова.

– Дядя может подтвердить, я телефон дам.

– Тетин муж?

– Да.

– Диктуйте телефон.

По названному номеру никто не отозвался. А Ирина была в этом уверена. Не отзовется, даже и не надейтесь. Номер-то красавица тоже назвала неправильно.

Тут уж и Сеня поморщился, начиная что-то понимать.

– Настя, это не дело. Если вашу личность никто не подтвердит, я вас сейчас задержу и доставлю в дежурную часть. На три дня.

Ирина покосилась, но промолчала.

Врал Семен Игоревич, как засватанный, не могли они девчонку на три дня задержать. На три часа – еще куда ни шло, а три дня только по постановлению суда или с ордером от следователя. Но кто у нас знает дословно о таких тонкостях? Зато о полицейском произволе орут на каждом углу... Загнав полицию, как волка, за красные флажки и требуя результативной работы.

– Не имеете права!

– Вполне имею. Для выяснения личности...

– Что я вам такого сделала?

Слезы и сопли полились потоком. Увы...

В органах работают удивительно жестокие, черствые и вредные люди. Рыдай там, не рыдай – не поможет. Настя бы могла и другие методы убеждения симпатичного мужчины попробовать, но вот беда – на беседе присутствует Ирина. Явно натуральной ориентации, которой не предложишь выйти. И по отдельности полицейских не обработаешь.

Так что номер сотового из девушки таки вытряхнули.

– Добрый день, – поздоровался Сеня.

Дозвонился-таки...

– ...

– Скажите, Полянская Анастасия Петровна вам кто?

– ...

– А...

Трубка взвыла аж истошным голосом, так, что даже Ирина услышала.

Сквозь динамик прорывались отдельные: «шалава», «гнать», «мерзавка» и что-то еще, такое же нелестное.

Сеня кое-как закончил разговор, поблагодарил, попрощался...

– Нехорошо, Анастасия Петровна, ох, нехорошо. Врать нехорошо, с дядей спать, хоть и не родным, тоже нехорошо, а воровать уж и вовсе плохо, это статья.

Ирина довольно улыбнулась. А так ее, сразу!

Что было дальше? Много криков, слез, соплей...

Сеня решил не поддаваться и позвал Самвела. Тот пришел, выслушал, и уже в два голоса они принялись прессовать девчонку. Той хватило ненадолго.

История оказалась вполне житейской.

Девочка считала, что в жизни надо пробиваться любыми путями. Пустила тетка к себе пожить?

Отлично! Делаем следующий шаг! Настенька искренне рассчитывала, что она соблазняет теткиного мужа, тот разводится с женой, разменивает квартиру, женится на ней, на умничке

и красавице, которая еще и в два раза моложе, а там и прописка не за горами. И собственная жилплощадь.

Планы были далеко идущими.

Увы, тетка не оценила. Вернулась домой в неподходящее время, надавала племяшке пощечин, выставила из дома, не дав собрать даже вещи (их потом из окна повыкидывали), мужа тоже хотела выставить...

Это в романах мужчины гордо уходят в ночь с любовницей. В реальной жизни неверный супруг принялся каяться и закономерно остался дома. Свое ж, родное...

Племяшку охарактеризовали всей родне и постарались забыть о ее существовании. Анастасия не выдержала и спустя месяц пришла в гости в тетин дом, благо дядя ее пустил.

Ненадолго, но ей хватило. Тетка лишилась кое-какого золотишка, дядя – части волос, выданных любящей женой, а Анастасия сняла комнату.

На пару месяцев, дольше она одна не оставалась.

Нашла нового лоха, на деньги которого и жила около полугода. Потом по случайности попала, когда искала вариант повыгоднее. Неудачно получилось, город в некоторых отношениях чрезвычайно маленький...

Сейчас жила уже то ли с пятым, то ли с шестым мужиком. Тот выпивал, поколачивал сожительницу, ну она и решилась. Одно с работы утащить, другое... Ты хозяин, а не гость, унеси хотя бы гвоздь. Поговорка была принята Настей как руководство к действию.

Вилка? Ерунда. Но шесть дней – шесть вилок, а их и продать можно, комплектом.

Столовые приборы, скатерти, еще кое-что, по мелочи, а про то, чтобы обсчитать посетителя, и говорить не стоило. Настя сговорила с одной из продавщиц и делила прибыль пополам. Конечно, если люди много заказывали. Кто там пару лишних пирожков присчитает?

Да и пирожки умным девушкам не лишние.

Самвел послушал, плюнул, да и вышел. Сеня и Ирина вслед за ним.

– Вот крыса! – от всей души высказался армянин.

– Порода такая, – махнул рукой Сеня. – Делать-то с ней что будешь?

– А что с ней сделаешь? Сажать? Так уж точно жизнь девчонке ломаем... Сам понимаешь, сейчас она не ангел, а оттуда вовсе тварью выйдет.

Сеня задумчиво кивнул.

– Так-то да, но и отпускать ее без наказания нехорошо. Ну, выгоните вы ее, дальше что? И дураки найдутся, и устроится она только так...

Ирина хмыкнула.

– В интернет ее выкиньте. На сайты. И напишите про ее подвиги и трудовую биографию.

– Тоже нельзя. Нарушение закона о частной жизни, – махнул рукой Сеня.

– А если ее устроить куда-нибудь похуже? На полгодика или на год? И хозяину сообщить? – предложила Ирина. – Есть же разные места...

Самвел хмыкнул.

– А и пожалуй что... Умница, девочка, не только красавица, но и головка светлая. Сеня, не уступишь? Я бы ее работать взял?

Ирина не рассердилась, понимая, что это комплимент.

– Извините, никак не могу. Пусть сначала практику пройдет, – Сеня улыбался, – а потом уж предлагайте.

– Обязательно учту, если что.

Ирина улыбнулась гостеприимному хозяину.

Ровно через пять минут Анастасии объявили вердикт. Или она отрабатывает год в «Васильке», или Самвел Аветисович пишет заявление... Собственно, он и так его пишет, а Сеня дает ему ход. Свидетели найдутся, и отправится она любоваться небом в клеточку и друзьями в полосочку.

Нет? Тогда – вперед, работать.

Ирина уточнила потихоньку у Сени, «Васильком» называлась грязная пивнушка, в которой официантки менялись чуть ли не каждые три дня. Оно и неудивительно. Располагалась та вплотную к фруктовому рынку, торговали на нем «гости с солнечного юга», и они не всегда были вежливы и политкорректны. И искренне считали, что русские девушки – это шлюхи, которые будут рады любому мужчине. Так себя и с официантками вели.

Настеньку ждал тяжелый год. Хотя это кому как?

Стащить там, по определению, нечего, там даже скатертей на столах не водится, разве что салфетки бумажные таскать, но ведь и поколотить могут, если что.

Хозяина Самвел обещал предупредить, так что с завтрашнего дня в «Васильке» появится новая сотрудница. А Сеня обещал заходить и проверять. Так, на всякий случай.

Настя рыдала, вытирала сопли и слезы, но жалости не дождалась ни от кого. И поделом.

Тебя посадят? А ты не воруй.

В данном случае даже не посадят, а просто накажут трудотерапией. Дешево, сердито и доходчиво.

Конечно, никакого заявления Самвел не писал.

Это сейчас карусель бы на неделю завертелась, делу ж надо ход давать! Задерживать Настю, отвозить ее в райотдел, Самвелу мотаться по судам и следствиям...

Кому это нужно? Да никому.

Так что напугать воровку напугали, но реально ничего не писали.

Обратно они шли, нагруженные шашлыком и салатами.

– Какой взятка, да? – экспрессивно возмутился Самвел. – Премия!

Отказаться не удалось, да Сеня и возражать не стал. День удался. На отделе «висяк» не образуется, хорошему человеку помогли, воришку нашли... Кстати...

– Ир, а ты ее откуда знаешь-то?

– Мы с ее теткой в одну парикмахерскую, кажется, ходим, – оправдание Ирина уже готовила. Успела придумать. – Она там на племяшку и жаловалась, а сочетание красивое. Анастасия Полянская. Я и запомнила, а сейчас всплыло. Адрес парикмахерской дать?

– Вот еще не хватало.

– Вот так получилось...

– Ладно. Ташим салатики.

И Ирина точно знала – Сеня ей поверил. Но откуда? Не было у нее раньше таких способностей, никак не было! И ей врал, и она не понимала, что происходит...

А сейчас-то как?

Хотя чего б удивительного? Опыт – штука такая, пока учебка, пока жизнь потрепала, вот она и начала головой думать.

На работе их одобрили. Или салатики? Наверное, все сразу. Вкусно же...

Дома Ирина оказалась поздно вечером. Улеглась на кровать, вздохнула, вытянула ноги.

И что с ней такое случилось сегодня? Она же прямо видела, что Настя эта врет! А раньше такого не было. Хотя... просто ей эта девица не понравилась, вот и приглядываться начала.

Пискнул телефон, сообщая о приходе электронной почты.

Ирина открыла письмо от школьной еще подруги, одной из немногих, кто знал, где ее можно найти, и пробежала глазами по строчкам. Передернулась, вышла и удалила его. Подумала и корзину почистила.

Вот еще... здесь ей этой гадости не хватало!

И чего людям не хватает? Все перегорело, угли пеплом затянулись, ан нет! Надо ей жизнь испортить! Хорошо, что интернет – штука безадресная, найти ее здесь будет крайне сложно. И не надо.

Все, у нее новая жизнь. И сон хорошо бы новый увидеть, с той полянкой...
Все будет хорошо.

Утро встретило новостью.

– Ириш, поехали.

Ирина вопросительно посмотрела на Колю.

– Опять «козлина» буянит.

– А мы там чего?

– Очередь наша. Дежури мы...

Ирина кивнула и отправилась собираться.

Тот же район, те же люди, лица... И снова – оно!

Разгромленная квартира, разнесенные цветы, руна, нарисованная на стене...

Теперь Ирина называла ее правильно. Руна «Одаль». Только перевернутая... Вот зачем? Хотя мало ли идиотов? Возомнят себя наследниками СС и прочей нечисти...

Бабка рассказывала, когда перестройка началась, она в ателье работала. Так к ним умник пришел, хотел костюм эсэсовца заказать. Мол, ходить будет, гордиться... в девяностые дело было.

А откуда ж швеям знать, как там что было сшито?

Дедок-вахтер выручил. Подошел и нежным тоном произнес: «Да я вам все расскажу. Я знаете, сколько их в войну через прицел повидал? Вспомню молодость...»⁴

Заказ по техническим причинам не состоялся. Заказчика не догнали.

А тут – мало ли? Кто-то вообразил себя Тем Самым, и ну давай горшки фигасить.

Глупо это как-то...

Но – протокол, понятия, соседи, опечатывание квартиры...

Ирина от всей души пожелала неизвестному гаду трехдневного поноса. Говорят, если больше, то и помереть может, а ей греха на душу не хочется. Ей просто хочется, чтобы этот тип был чем-то полезным занят. Сидел, о жизни думал...

Ей еще не так много доставалось, так что было время за кофе прогуляться. В этот раз – увы, не без эксцессов.

Покупаешь ты кофе в киоске, а за спиной:

– Девушка, давай помогу?

Не к Ирине, нет. Но...

Стоит девчонка, по виду – чуть помоложе, но такая... домашняя девочка.

Полненькая, уютная, сразу видно – мамы-папина дочь. И окружают ее трое парней. Увы, кавказской национальности.

Вот ведь засада...

Почему люди такие странные?

Одни (и это ко всем национальностям относится, без исключения) приезжают в чужую страну и считают, что они в гостях. И ведут себя вежливо. Другие же считают, что они здесь хозяева, а им все вокруг должны. И наглеют на глазах. Пока им ноги не переломают или еще как вежливо не объяснят, что хороший гость – вежливый гость.

И это не беда конкретной страны и конкретных личностей. В Европе, Америке и далее по списку оно ничуть не лучше выглядит, уж поверьте.

Девочка аж заметалась.

⁴ Историю пересказываю, как рассказали мне, источник не назову.

– Извините...

– Да как не извинить такой девушка? – пропел один из парней. – Пасыды с нами, выпьем, поговорим по-братски? – Язык у него был то ли изначально с акцентом, то ли он еще его и коверкал.

Ирина не выдержала.

– Лейтенант полиции, Алексеева Ирина Петровна. Проблемы?

Девушка буквально кинулась к ней, вцепилась в ее руку.

– Н-никаких проблем.

– Да, никаких проблем, – подтвердил тот же парень.

Смотрел он очень недобро, но вякнуть не решился. Ирина была в форме, погоны выглядели убедительно, а что оружия нет...

Дураков тоже нет – среди бела дня с полицией связываться на людной улице.

– Вот и я так думаю, – кивнула Ирина. – Пойдемте, девушка, я вас провожу.

– Спасибо.

Ирина посмотрела на парней. Пристально так, запоминая...

Кто сказал, что все иностранцы на одно лицо? Негры там, кавказцы, арабы, китайцы... и вовсе они разные. У одного шрамик, у второго ухо надорвано, у третьего глаза необычного, светло-карего цвета... Запомнить можно. Да и нужно.

Если кто не знает, полицейских этому специально учат. По системе еще того самого Альфонса Бертильона. Конечно, с течением времени система модернизировалась, но азы остались.

Если что – и фоторобот составить будет несложно.

Кажется, парни были недовольны, но... Пусть ищут тех, кто сам и по добровольному согласию. Ту же Настеньку, например, и уговаривать не придется. Знай, плати.

А эта, вон, до сих пор дрожит.

– Точно все в порядке?

– Да. Спасибо, я так испугалась...

– А ты не пугайся, а на помощь зови, если что.

– Ага, помогут мне, как же...

– Я же помогла? И ты учти, камеры кругом, у людей телефоны есть, мигом засветишься.

Такие типы известности не любят.

Девушка закивала.

– Тебя до дома проводить?

– Да, если можно.

И можно, и было несложно, чего там! Два шага...

Вот и девятиэтажка, вот и нужный подъезд.

– Ты бы с собой хоть перец носила.

– К-какой?

Ирина поморщилась.

– Красный. Молотый. Поострее.

– Зачем?

– Вот так пристанут, а у тебя перец случайно рассыплется. К примеру...

Девушка задумалась, а потом закивала. Поняла.

– Да, нам перец нужен, надо купить.

Ирина кивнула.

Может, и нехорошо давать такие советы, но знаете... Превышение допустимой самообороны – штука сложная, не угадаешь, где нарвешься. А перец – это пряность, в хозяйство куплена, за нее еще никого не сажали.

Можно еще дезодорант или дихлофос. Тоже дело полезное, знаете, если в глаза, тут уже не до разборок. Едкая эта пакость, не хуже слезоточивого газа. Главное, самой под ветер не попасть.

– Удачи.

– И вам... спасибо.

Ирина помахала рукой и отправилась обратно с чувством выполненного долга. А правда, вот что делать в такой ситуации приличной девушке?

Кричать? Так еще и не всякая решится, и не всякая сможет, и не каждый поможет.

Есть универсальный рецепт, называется он: «Ноги, ноги, ну-ка, рысью», но ведь тоже – уметь надо.

А она сама бы что делала?

Ирина подумала и призналась сама себе. Она бы сначала била, чтобы не все ее преследовать могли, потом удирала, а потом... Да по ситуации.

Если что – свое здоровье ей дороже.

А вот такие «товарищи»... Тамбовский волк им товарищ! В лесу, в голодный год! Вот!

– Иришка, выручай!

– Что случилось?

– Меня Макс пригласил на день рождения!

– И что?

– И у него друг простаивает...

Ирина откровенно поморщилась.

– Ну и пусть стоит, где поставили!

– Ириш, ну так нехорошо. Я с Максом, а его друг один?

– Найдите кого-нибудь еще!

– Наташка занята, Лидка сейчас с Витьком... Ириш, ну что тебе стоит?

Ирина закатила глаза.

– Люся, мы же договаривались?

– Ирин, это просто шашлыки на природе. И всё.

Ирина прищурилась.

– Вот так – всё?

– Обещаю, максимум в десять мы дома будем. Мне завтра тоже на работу.

– Люся, я честно предупреждаю. Ноги вырву, если что.

– Иришка, ты чудо и солнышко! Кстати, твоего парня зовут Лёха.

Ирина поморщилась вторично. Почему-то ей бешено не нравилось это сокращение. Алексей – да, Алёша, да хоть бы и Алесио, как в тех же «Гардемаринах». Но полублатное «Лёха»?

Фу! Теперь и кадр окажется не лучше...

Ехать откровенно не хотелось. Знакомиться – тоже.

Люся не первый раз предпринимала такие попытки, и ничего хорошего из них не выходило, разве что Ирина начинала мечтать о карьере патологоанатома, но и отказываться каждый раз было себе дороже. Доведут до невроза.

Оставалось махнуть рукой – и одеваться.

Поскольку предусматривались шашлыки на природе, Ирина натянула джинсы и любимый теплый свитер. Пушистую голубую ангорку с высоким воротником. Еще и куртку прихватить стоит, пар костей не ломит.

На ноги – теплые носки и потом сапожки. А лучше – берцы. Шикарные все же ботинки, хоть бегать, хоть пинаться, хоть не мерзнуть! Прелесть!

Были бы у Золушки такие туфельки, от нее бы ни один принц не ушел безнаказанным.

Хорошая погода и солнышко?

Ага, значит, еще и снуд надо взять. И уши обернуть хватит, и шею замотать. Как известно, на природе тепло только первые полчаса. Если не пить. А пить Ирина и не собиралась.

Не по природе трезвенности или язвенности, просто пить в незнакомой компании – это самой нарываться на неприятности. Насмотрелась Ирина уже на таких. Когда девушка сначала выпила и стало весело, а потом проснулась и стало грустно. Потому как с кем проснулась – неизвестно, а последствия... Последствия бывают самые разные. С Ириной не случилось, а вот с несколькими подругами бывало, бывало...

Даже если кто в СПИД не верит, сифилис и гонорея тоже здоровья не добавляют. Справочник кожно-венерических, как говорится, в помощь.

Может быть, ничего и не будет, и зовут ее исключительно в достойную компанию. Но что-то подсказывало Ирине, что лучше перестраховаться.

– Ну ты и мышь серая, – скорчила морщку Люся.

– Ничего, зато ты за нас двоих стараешься, – отбрила Ирина.

Действительно, выглядели они как две противоположности. Ирина – в удобной одежде, насквозь практичной и не особо маркой... и Люся. Противоположность. В сапожках на высокой шпильке, в короткой юбке и в кофте с таким вырезом, что туда смотреть было страшно – трусы видны становятся.

Даже с волосами так же. Ирина стянула рыжие пряди в удобный хвост. Люся распустила кудри и обильно намазюкалась косметикой.

Люся даже и не подумала надуться.

– Мне надо мужа ловить. С квартирой.

– С комнатой – все?

– Ага. Не могла бабка еще хоть пару месяцев прожить. Сама понимаешь, теперь никакого интереса мне что-то оставлять, ухаживать-то ни за кем не надо.

Ирина пожала плечами. Что такое «не везет» и как туда не ездить.

– Жаль.

– Мне тоже.

Люсин сотовый запищал что-то модное.

– Да, зайчик?

– ...

– Уже спускаемся! Чмоки в щеки!

– ...

Люся сунула телефон в карман.

– Нас внизу ждут. Белый «ниссан альмера».

Ирина накинула куртку и направилась вслед за Люсей.

Опасения ее оправдались сразу и конкретно. Как только она увидела обоих мужчин: и того, кто был за рулем, и того, кто сидел на заднем сиденье.

– Максик!

Люся тут же скользнула на заднее сиденье, и оттуда послышался звук мощного поцелуя. Такого, мультяшно-вантузного чмока.

Водитель повернулся к Ирине и поглядел на нее оценивающим взглядом. Ирина не осталась в долгу...

М-да. Прыщ. Может быть – гнойный, может – геморройный, на выбор. Но это – и весь выбор.

Если описывать снизу вверх...

Щуплое телосложение, которое так и тянет назвать теловычитанием. Зато живот мощный, пивной, прокачанный. Сразу видно – подвергается ежедневным вливаниям. Остальное не радует. Плечи узкие, грудь впалая... Чахлик – и все тут.

Лицо...

Есть такое слово – брюзгливый. Вот, самое оно и есть. Поджатые губы, скошенный подбородок, короткий нос, низкий лоб. Зато уши хорошие, выдающиеся. С такими локаторами его наверняка в детстве Чебурашкой дразнили. Глаза неопределенно-серого оттенка, волосы редкие, тоже неопределенно-русые. Всё.

– Анатолий Иванович.

– Ирина Петровна.

Не то чтобы Ирина собиралась дразнить этого сморчка, но...

– Приятно познакомиться, – кадр завел машину и тронулся с места. – Чем занимаетесь?

– Участковый, – лаконично ответила девушка.

– А я работаю в институте. Кандидат наук по специальности «Философия религии», недавно диссертацию защитил...

Сказано это было с таким апломбом, что оставалось лишь поаплодировать.

– И какова тема диссертации? – поинтересовалась Ирина, чтобы хоть что-то сказать.

– Очень важная. Православные мыслители конца двадцатого века о семье и браке.

Ирина прикусила язык, чтобы не уточнить чего лишнего.

К примеру, кто подразумевается под мыслителями, состояли ли оные в партии во времена коммунизма и кто их признал вообще мыслящими существами? А то откроешь тот же ютуб – плюнуть хочется.

Кому-то суррогатное материнство не нравится, кому-то ЭКО, кому-то еще чего...

И главное все с таким апломбом, словно они лично с Господом консультировались! Позорище!

Ирина в Бога верила, и потому ей было вдвойне неприятно. Люся над такими сомнительными пиарщиками, делающими себе имя на религии, потешалась, называя «пенкой на бульоне», а вот Ирину корбило. Вы меня хотели оскорбить? Да вы себя оскорбили, и лучше тут не скажешь!

– Наверное, это очень интересная тема.

– Более того! Она будет определять общественное сознание и дальше, минимум до конца двадцать первого века, – завелся «мыслитель». – Как пишет Андрей Боядинский в своей статье «Семья во время перестройки»...⁵

Ирина отключилась.

Физически она присутствовала в машине, а вот морально... увольте! Все это слушать?

Не настолько у нее философское отношение к жизни. И даже рядом не настолько.

На заднем сиденье царил атмосфера беззаботного веселья, Люся уже что-то пила прямо из горлышка бутылки и весело смеялась, Макс (который Ирине тоже дико не нравился) щекотал ее и лез целоваться... Ирина покосилась на профиль философа и вздохнула.

Что ж. Утешает одно, дома она точно будет в десять. С таким занудой что-то другое невозможно.

Компания была небольшая и не особо респектабельная. Всего двенадцать человек, из них две семейные пары, две дамы явно нетяжелого поведения и Ирина с Люсей. Макс, философ Анатолий Иванович и еще двое мужчин. Один, как поняла Ирина, и есть тот самый Леха.

⁵ Автор и название статьи вымышлены, насчет ютуба чистая правда.

Макс отозвал его в сторону и принялся что-то шипеть. Ирина напрягла слух и поняла, что Макс выговаривает за приглашенную Алексеем девушку. Ему тут «телку подогнали», а он где-то «шмару нашел»...

Ну и фиг бы с ним, с точки зрения Ирины. Такого добра не жалко.

Алексей действительно не тянул на бобра-молодца. Скорее уж бревнышко. Кругленький, среднего роста, он производил впечатление «рубахи-парня», который всегда готов выпить, закусить, повеселиться... Да, симпатичнее Толика, но это внешне. А внутренне...

С одним говорить не о чем, с другим – невозможно. Да и сам Макс...

Ирина до сих пор удивлялась, о чем с ним может говорить Люся? Единственное достоинство там было вовсе не мозгом. Фигурой, ростом под два метра и регулярно закаляемой в спортзале. А думать...

А вы что – головой думаете? Вот, приличные люди в нее едят и протеиновые коктейли заливают.

Люся, кстати, как-то принесла такой домой. Ирина почитала состав, ужаснулась и предложила посыпать этой пакостью по углам – вывести неубиваемых общажных тараканов. Люся обиделась дня на три.

Смех смехом, но один таракан как-то все же заполз в банку с протеином. Там и сдох, надо полагать, в страшных мучениях.

Роли быстро распределились.

Макс, как именинник, тискал Люсю, время от времени переключаясь на других девушек. Люся хихикала рядом и бросала вокруг ревнивые взгляды. Философ сидел у костра и что-то пытался объяснять всем и сразу. Леха и второй парень, имени которого Ирина так и не расслышала, кажется, Геша или Гоша, разливали всем и рассказывали о своих спортивных достижениях.

Девушки поделились на две части. Половина пыталась обустроить быт, а именно Ирина и две замужние дамы, вторая половина тискалась и демонстрировала свои достоинства.

Мужчины (двое семейных) тоже обустраивались. Нанесли дров для костра, принесли несколько удобных чурбачков, чтобы на них сидеть...

Часам к пяти и шашлыки поспели. Все принялись разливать уже по сорок пятой, или какой там, сегодняшней. Ирина плеснула себе колы в стаканчик. На коку никто, кроме нее, не претендовал.

– Ирина, а чего вы не пьете? – Леха.

– Не пью.

– А что так? Болеете али беременны?

– Антибиотики принимаю, загрипповала, – коротко объяснила Ирина. – Они со спиртным никак.

Врала, конечно, но чего б и не соврать? Перед кем тут объясняться? Кому и что рассказывать?

Вот еще не хватало! Проще придумать подходящее оправдание и не заморачиваться. Антибиотики. Точка.

Ирина отрешилась от всего.

Ей не были интересны эти люди, ей не хотелось ни с кем разговаривать, ей хотелось просто сидеть на бревне, кутаться в куртку, опираться спиной на ствол здоровущей сосны и смотреть в темнеющее небо.

Такое спокойное. Такое... вечное.

И мы уйдем, и дети наши уйдут, и еще миллионы поколений, и Земли когда-нибудь не станет в очередном Большом взрыве, а звезды будут. И так же холодно и равнодушно будут смотреть сверху вниз и на пылевое облако – и на голубую планету Земля.

Что им наша философия? Что им наши планы и надежды, мечты и страдания, что им до нас? Ничего...

Ничего не поменяется, а раз так... надо просто жить. И радоваться каждому прожитому дню.

– Ирина, вы знаете, что такое экзистенциализм?

– Экзорцизм? – не поняла Ирина, которую философ Толик застал врасплох.

– Эк-зис-тен-циа-лизм, – по слогам повторил Толик.

– Нет, – безмятежно улыбнулась Ирина. – Расскажите?

И опять отключилась. Пусть его затыкает, кто хочет. А она будет наслаждаться этим лесом, этим небом, этой минутой... Хорошо, комаров нет. Будем считать, Толик – аналог насекомых. Кстати... Не пора ли нам пора?

Этот вопрос она и задала Люсе. Но подруга замотала головой.

– Ириш, ты чего? Рано же!

– Люся, девятый час, пока доедем, пока уляжемся. Не выспимся, завтра на работу...

– Я Люсеньку сам подвезу, – Макс широко махнул рукой.

– А я могу подвезти вас, Ирочка, – Анатолий смотрел чуть в сторону. – Примерно через полчаса. Не возражаете?

Ирина не возражала. Даже если она будет одна с этим сморчком, что – не отобьется? Еще как, тут главное его не покалечить.

– Хорошо. А Люся с Максом...

– Димка, возьмешь нас?

– Спокойно.

– Значит, так и порешим.

Ирина кивнула. Ладно, полчаса – это не страшно. Кока-кола решила попроситься наружу. Ирина встала и отправилась в лес.

Да, одна. И что?

Не на километр же она отойдет, вернуться всяко сможет. А мысль о том, что за каждым кустом маньяк прячется... Да где вы столько маньяков-то наберете? Как ни странно, лес – одно из самых безопасных мест, при условии, что вы в нем можете ориентироваться. Есть определенные правила поведения, есть свои законы и границы, которые не преступают ни человек, ни животные. Не случись какого-то форс-мажора, и с вами ничего не случится. Мирно разойтись можно даже с кабаном или гадюкой.

На первый взгляд у костра ничего не изменилось.

На второй... Тоже. А что царапает? Что нервирует?

Ирина взяла стаканчик с колой, поднесла к губам...

НЕТ!!! Почти сиреной взвыло чутье.

Ирина огляделась. Пьяненькая Люся была занята Максом настолько, что ей хоть дерево на макушку падай – не сообразит. Что происходит? Что не так с ее колой?

Ирина подозрительно принялась. Нет, не пахнет.

Коснулась, вытряхнула на ладонь несколько капель и осторожно лизнула.

Какой-то химический привкус есть. Едва заметный, почти неуловимый, но присутствует. А если бутылка?

Бутылка оказалась «незаряженной».

– Кто и что мне подлил? – резко и громко осведомилась Ирина. Она и не помнила, когда так злилась. Но...

Что это за химикат? Что с ней должно быть?

Она упадет в обморок, упадет в кусты с первым встречным или просто обделается? Что было задумано? И кто посмел? Ноги за такое надо отрывать и глаза выцарапывать! Или у кого-то другое мнение?

Может, и стоило бы промолчать, но такая злость взяла, Ирина и не представляла, что может так злиться. Убила бы. Вот просто взяла – и шею свернула бы.

– Да вроде никто, – отозвался мужчина из семейных... – Дин?

– Я тоже не видела.

– Да кому ты нужна? – фыркнул Алексей.

Ирина прищурилась. Медленно обвела всех взглядом. Что-то звенело внутри, холодно и спокойно. Она сама не понимала, что с ней происходит, больше всего это напоминало сплав по реке... Тебя уже подхватило и несет. И остановиться не получится. Только вперед. И головой вниз с водопада.

Серые глаза, карие, голубые, спокойные, непонимающие, пьяные...

Вспышка!

– Ты! – почти выдохнула Ирина.

Ее рука атакующей коброй метнулась вперед, и Анатолий даже дернуться не успел. Из верхнего кармана куртки вылетел, приземлился на траву аптечный пузырек.

– Аххх... – по поляне пронесся вздох.

Макс отстранил Люсю, медленно поднял флакончик.

– Ксилофил...⁶

– Что это? – прищурилась Ирина.

– Произведено компанией «Виагра»...

– Возбуждающее?

– Шутка! – заверещал философ. – Просто шутка!!

Макс сгреб его за шиворот.

– Я тебя сейчас за такие шутки...

– Я буду жаловаться!! Я заявление в полицию...

– Я лейтенант полиции, – медленно произнесла Ирина. – Жалуйся...

Анатолий обвис тряпкой, понимая, что попал. Про продажных ментов он слышал, про нарушение законности – тоже... Вот арестуют его и сунут в камеру с уголовниками...

– Я ничего плохого не хотел!! Не докажете!!

– А мы ничего и доказывать не будем, – Ирина почти шипела. – Максим!

– Да?

– Отпусти эту грязь! Пусть катится...

Анатолий отлетел на полметра. Бросился к машине, заперся внутри и что-то заверещал. Явно что-то философское и оскорбительное.

Ирина подобрала с земли что-то вроде шишки. Прицелилась – и кинула прямо в ветровое стекло.

– Чтоб тебе дорога к дому – комом!

Шишка стукнула в лобовое стекло.

Анатолий дернулся, понял, что следующей может оказаться и не шишка, и рванул с места. Только шины взвизгнули.

Оставшиеся на поляне переглянулись.

– Фуфлосиф хренов. Такой день обо... – грустно произнес Макс. – Ребята, ну что, собираться будем?

Возражающих не нашлось.

⁶ Название изобретено автором, а вещество и вправду есть, и действие похоже.

Разговаривать про Анатолия тоже никому не хотелось, что тут непонятного? Решил мужик обеспечить себе страстную ночь, вот и все. Добавка в кока-коле, как раз сработало бы к моменту отъезда. Или до города доехать, или прямо в лесу... того. А потом поди, докажи?

Захотелось.

Сколько времени выводится из организма эта пакость, Ирина не знала, но ведь могли и до утра задержаться. А там пока суд да дело...

Не докажешь.

А просто так ноги переломать? Стоило бы, но ведь сама и сядешь.

Всем было почему-то ужасно противно. Словно на полном ходу ногой в коровью лепешку въехали. Свежую такую, вонючую...

Постепенно собрались, затоптали костер, разошлись по машинам... В тесноте, да не в обиде. Ирине выпало ехать с Алексеем и его подругой. И той семейной парой, которая без машины. Ну и пусть их, переживем. Посидим на заднем сиденье, втроем умещаемся – и ладно, не в багажнике ж ехать!

Дорога вилась по полю, прихотливые изгибы напоминали гусеницу, фары выхватывали из темноты то один причудливый куст, то второй...

Опа?

Алексей остановился. Даже чуть повернул машину, чтобы фары ярче светили. Остановились обе машины.

«Ниссан» прочно сидел в грязи. Слева от дороги, видимо, стекала вода. Там образовалась здоровущая лужа, прямо-таки грязевое болото. Обычно делается сток, но или он забился, или изначально сделано было не по-человечески... Как уж туда съехал Анатолий? Неизвестно.

Но застрял он аккурат посреди этой лужи. И сейчас больше всего напоминал грязевого человека. Пока вылез, пока подумал...

Грязи было столько, что затекла даже внутрь машины. Автомобиль явно сидел прочно и надежно.

– Ребята!! Вытащите меня!! – Философ верещал так, что захотелось уши прочистить. Этакая смесь нахальства и радости.

– Стоять! – рыкнул Макс.

Анатолий, который было двинулся к ним, остановился. Прямо в луже.

– Никто тебя не потащит, – приговорил Максим. И недобро ухмыльнулся. – Тут деревня неподалеку, километров десять. Добредешь, трактор найдешь, авось и вытащат.

– Да вы что?!

– Нам такая грязь не нужна!

– Точно! – поддержал кто-то из женщин.

– Я... я...

– Садимся, – резко приказал Макс. – Сунешься к нам – я тебя в лужу башкой засуну, понял?

Выглядел он очень убедительно, а учитывая, что был на две головы выше Анатолия... Проверять философ не рискнул. И потерянно хватал ртом воздух, наблюдая, как все рассаживаются по машинам. Быстро и молча.

Опомнился он, когда кто-то сильно хлопнул дверцей.

– Вы не можете меня тут оставить!!

Мотор заурчал. Машины тронулись.

Вслед им полетели комки грязи и не менее грязные слова. Ну и черт с ним. Первое можно отмыть, второе просто не слушать. А вытаскивать эту грязь...

Нет уж!

– Там ему самое место, – озвучил Алексей.

И все с ним согласились.

В общежитии Ирина отправилась в душ. Первым делом. Ее потряхивало, ощущения вообще были самые отвратительные.

А если бы она не поняла? Если бы ее... Если бы этот тип и она... Кошмар!

Хоть и говорят, что от бабы не убудет, что все можно пережить, что пока жива, все поддается исправлению, но... так говорят другим. А к себе вы такое применяли?

Ирине и думать не хотелось, что было бы, если бы.

Бэ-э...

Водится же такая гадость на планете Земля! Повсюду благолепие, мировая гармония, звезды по орбитам плавают, кометы куда-то несутся, леса растут, поля колосятся... и такая мразь живет!

Утешает только одно. Ночь страстной любви ему точно предстоит. С машиной, в грязи. А то и с трактором, и с деревенскими мужиками. А там народ грубый, никакого понятия о философии...

Как он, интересно, в ту лужу въехал?

А вот так. Летел в расстроенных чувствах, либо не довернул руль, либо не успел вовремя притормозить, занесло на повороте, ну и получил, что заслужил.

Горячая вода полилась сверху. Ирина поехала под душем. Холод жил глубже, внутри.

А ведь она ему чего-то такого и пожелала, стоит только шишку вспомнить. Смешно звучит?

А как часто мы бросаем что-то вроде: как вы мне все надоели? Чтоб вам пропасть? Ну и что в этом страшного?

Чего мы только ни желаем и куда ни посылаем. И что?

Кто-то пошел и залез, добавив работы проктологам и гинекологам? Ох, что-то Ирина искренне сомневалась.

Но ведь пожелала!

И вот эта пронизательность... Почему ей так не захотелось пить колу? Ведь раньше и не задумалась бы? И выпила, и... все последствия.

Хотя – а чего удивительного?

У нее работа такая, называется «подозревать всех и вся». Вот и наложила свой отпечаток. Раньше она была более доверчивой, а сейчас поняла, к чему это приводит. И не нарывается на неприятности.

Не было у нее такой чувствительности?

Вот, появилась. Профессиональное, наверное. И что про Анатолия она догадалась, ничего удивительного. Глаза у него бегали, и взгляд нехороший...

Элементарная техника безопасности – в незнакомой компании не оставлять свой бокал и тарелку без присмотра. Смешно звучит?

Пока не нарвешься сам, оно всегда смешным кажется. А вот как вляпаешься, да с тяжелыми последствиями... Нигде ведь не сказано, что этот полудурок получил бы страстную ночь. А не ее бездыханный труп.

Афродизиаки – штука такая... о двух концах.

Во-первых, на них очень часто бывает аллергия. Во-вторых, они и без аллергии шикарно могут дать по мозгам или по сердцу. Кому что нравится больше – инсульт или инфаркт? Разбирайте! Не стесняйтесь! И в-третьих. Помощь оказывать уметь надо. Что-то Ирина сомневалась в наличии у данного философа в машине антигистаминных препаратов. А уж чтобы их правильно и вовремя ввести...

Надо завтра базу данных посмотреть. И попросить компьютерщика выбрать похожие случаи. Вдруг да было?

Если еще кого-то этим же препаратом, если девчонки к врачам обращались... Ведь не первый раз эта гадина так шкодит, наверняка не первый... Где он может гадить? Да только в институте.

Студенты – народ зависимый. Из десяти студенток одна да придет сдавать зачет на дом к преподавателю. А что потом?

Потом пару капель в стакан, и кричи, не кричи...

Кто и что докажет? Молчать будут просто, чтобы из института не вылететь. Ирина злобно зашипела и решила, что если представится случай...

В каком институте работает этот паразит? И ребят предупредить надо.

– Ириш, ты извини! Ну кто ж знал, что Леха какую-то швабру подцепит, а этот Толик... Макс сказал, он вообще в последний момент подвернулся.

– Откуда Макс вообще с ним знаком? Совершенно разные ведь личности?

– Тоже в спортзал ходит. Макс и пригласил его, из-за машины.

Ирина скрипнула зубами.

– Люсь, пей свой аспирин.

Импортный, растворимый. Рассол был бы лучше, но и так неплохо, на больную-то голову. Люся вернулась уже под утро, ненадолго заснула, а тут и будильник. И работа.

Ирина откровенно пожалела подругу, выдав ей народный антипохмелин. И собиралась сама. Побыстрее, работа не волк, укусит – и удерет.

– Макс сказал, они этого урода из клуба выкинут.

– И правильно сделают. Я бы еще и на кафедру к нему сходила, так, на всякий случай.

– Думаешь?

– Уверена, – кивнула Ирина.

– Хорошо, ты вчера поняла, что к чему. Как ты хоть догадалась?

Ирина вздохнула. Хорошо, она вчера этот вопрос обдумала, знала, что сказать.

– Да я хотела отпить. Но кола же, с пузырьками... и пузырей не осталось, и пахло уже не так. Может, он раньше во что горячее добавлял, типа кофе. Или в спиртное, как клофелин? Черт его знает... короче – пахло лекарством.

– Повезло.

– Даже не сомневаюсь в этом.

Люсю передернуло.

– Да уж. И есть-то там обмылок...

– Не во внешности дело. Был бы он хорошим человеком, нашел бы свое счастье. И не такие квазиморды женились. А это... козел.

– Не скажи. Небось, ни одна баба не давала, вот и...

– Плевать, – отрезала Ирина.

И помчалась на работу, на ходу накидывая форменную куртку.

Глава 4

На работе Ирина поделилась этой историей с коллегами. Петрович переглянулся с Сеней.

– Сень, у тебя там подруга есть? В этом институте?

– Ага. Она, правда, на другой кафедре, но...

– Не хочешь сходить, навестить?

– А пожалуй, что и хочу. Поболтаем, о том о сем...

Ирина смотрела непонимающим взглядом, и мужчины улыбнулись в ответ.

– Ириш, ты же не будешь на него рапорт писать?

– Не буду, – согласилась Ирина. Кому оно надо?

Служебная проверка в отношении самой Ирины, а вдруг она злобно оклеветала честнейшего и добрейшего, а заодно и мудрейшего философа? Толик-то от всего отопрется, свидетели были пьяны в лохмотья, от Люси тоже толку не дождешься... разве что на объяснительные всех изведут. Палка о двух концах получается.

– Вот. Законно мы сделать ничего не можем. Но институт – такое кубло, – разъяснил Петрович. – Мы можем поговорить с теми, кто кровно заинтересован. Вот, как Сенина девушка. А там... то ли он украл, то ли у него украли... Кстати, а сам пузырек где?

Ирина задумалась.

– Кажется, кто-то его в костер пнул.

– А вот это зря. Надо было сюда и пальчики снять.

– Толку-то с того? – фыркнул Сеня. – Ничего нам те пальчики не дадут, да и прижать этого гада нечем. Никто ж не пожалуется. Но рассказать Маринке – я расскажу. Пошли, Ириш?

– А сегодня у нас пока нет вызовов?

– Козлина не прорезался. А визит в институт оформим как работу с населением, он тоже на нашей территории.

Ирина кивнула и направилась вслед за Сеней.

Почему бы не сходить? Страна должна знать своих героев! И какие именно геройства от них можно ждать – тоже. Хотя кто-то не попадетсЯ, и то слава богу.

Институт.

Забавно это иногда выглядит. Пропускная система, турникеты, сотрудники ЧОПов... Якобы антитерроризм.

В реальности толку с таких мер, как с крокодила шерсти. Если учесть, что в каждом корпусе института есть штук шесть запасных выходов, до которых не так сложно добраться...

Камеры? О да! Камеры есть. Вопрос: может ли вахтер постоянно наблюдать за ними? Не отрывая глаз от монитора? Оставим его на усмотрение власть имущих. Вот Ирина бы точно не смогла, так ведь рехнешься.

И тем более, скромно промолчим, что пропуск можно взять у любого студента.

Подпоить, вытащить из кармана, тупо купить...

Вопрос: кому усложнили жизнь этими мерами?

Ответ. Только вахтерам и студентам. И то последние регулярно через окна лазают, благо те большие и легко открываются. Хорошо, пластик поставили. Это старые рамы было проще выбить, чем открыть, а новые... Все у нас для блага людей, все для их удобства.

Сеня предъявил на входе удостоверение, Ирина последовала его примеру, и вахтер пропустил их. Даже без вопросов. Разве что в журнале себе что-то черкнул.

Вот еще... Кто, куда, к кому... не стоит спросить? Карма не позволила? Э-эх...

Коридоры, студенты, атмосфера института, все еще не забытая... Золотое время конспектов, когда самой страшной проблемой был несданный вовремя зачет, а самой горькой бедой – тройка по высшей математике. Не ценила?

И не вернешь... Да и не надо. Ну его...

Третий этаж, кабинет с табличкой на двери.

Сеня постучал, остановился в дверном проеме, так, что Ирина из-за его плеча еще ничего и не видела, и негромко поздоровался.

– День добрый. Марина, можно тебя ненадолго?

Ирина все же умудрилась заглянуть в кабинет.

Как выглядит кафедра?

Столы. Обычные столы, такие коричневые, с одной-двумя тумбами, старые, еще советские. Вот они стоят, как парты. Один стол – один преподаватель. У стены – столы с компьютерами, несколько шкафов, уголок для чайника и плюшек, там же микроволновка и маленький холодильник. Устроено все неплохо.

Только вот сейчас что-то не то происходит. И пахнет валерьянкой. И вообще...

Сеня решительно вошел внутрь.

– Разрешите представиться, майор полиции Живцов. Семен Игоревич. Что случилось?

Симпатичная брюнетка, та самая Марина, подняла голову.

– Сеня, привет. Да беда у нас.

– Что случилось?

– Все плохо, – всхлипнула девушка, сидящая за столом. – Очень плохо...

Подняла голову, и Ирина увидела здоровущий фингал. Кто-то повесил блондиночке фонарь под глаз. Да какой! Просто вдохновенный!

Таким весь институт освещать можно.

– Так... – Сеня вздохнул, прошел внутрь и накапал валерьянки в стакан. Протянул блондинке. – Рассказывайте, что случилось. Вас как зовут?

– Вааааля.

– Рассказывайте, Валя.

Если отжать из истории всю воду, а именно: слезы, сопли, всхлипывания, страдания и рыдания... История оказалась коротенькой. Заведующий кафедрой, хоть и было ему глубоко за пятьдесят, по праву носил прозвище Пан Сатирус.

Да, это обезьяна. Порода обезьян такая, типа шимпанзе. И внешности завкафа оно полностью соответствует. А еще товарищ обладал похотливостью сатира и не пропускал ни одной юбки.

Валя искренне полагала, что ее это не коснется. У нее был замечательный жених, у нее свадьба недавно была, у нее все хорошо... Муж, кстати, работает на соседней кафедре. Что еще надо для счастья? Защитить диссертацию.

И тоже – все написано, все готово... Осталось несколько статей добрать. А еще есть выступления на конференциях. Тоже надо, хотя бы парочку, засветиться перед толпой.

Естественно, Валя поехала на конференцию. Естественно, поехал и завкафедрой. А как иначе? Должность такая.

Да, им пришлось переночевать в гостинице, но там были отдельные номера. И ничего между ними не было! Вот!

Валя приехала домой. Мужа дома уже не было.

Она в душ, потом переодеваться, а вещей-то мужа и нет?

Валя звонить, телефон не отвечает. Она звонить свекрови, та звонок сбрасывает, она скорее на работу, отпроситься, ну и справки навести...

Муж оказался на работе. А дальнейшее оказалось неожиданностью для самой Вали.

Ее при всех обзвали шлюхой, дали по лицу и сказали, что подают на развод. Так-то...

С чего? А неясно с чего. Шлюха ты, и говорить я с тобой не хочу, и видеть тебя не желаю...

– Как зовут мужа? – поинтересовался Сеня.

– Олееееег.

– Ивушкин, Олег Васильевич. Он с соседней кафедры, – поднялась Марина.

– Проводишь?

– Пошли, провожу и познакомлю.

Сеня кивнул Ирине, и они втроем вышли из кабинета, оставив за спиной зареванную Валью и шепчущихся кафедральных дам.

Стоит ли говорить, что далеко они не ушли? Аккурат до ближайшего закутка, где Сеня достал из кармана сигареты и протянул Марине.

– Угощайся.

Девушка ловко выбила из пачки сигарету, прикурила от Сениной спички.

– Спасибо.

Сеня тоже задымил.

– Расскажешь, в чем тут соль?

– Семен Семеныч... – протянула Марина таким тоном, что ссылку на знаменитую комедию опознал бы любой.

– Марина Батьковна? – спародировал ее Сеня.

Марина пожала плечами.

– Да что тут сказать? Есть у меня свое мнение, но ты учти, что оно не обязательно верное.

– А все-таки? Мариш, ты же не дура! Я у вас не ориентируюсь, но ты-то в этом варишься...

– Ага, представь себе кипящий котел с дерьмом, – мрачно проворчала Марина. – И так день за днем...

– Я тебе предлагал уходить. Помнишь?

– Сеня, здесь я кандидат наук, доцент, может, и доктором буду. И подрабатывать могу. А там?

Сеня вздохнул.

– Ну... идеала не бывает. Зато там платили бы втрое больше.

– Ладно. Давай не возвращаться к этому разговору, – отмахнулась Марина. – Мне бабский коллектив в СЭС даром не сдался, я мужа ищу. Ты ведь на мне не женишься?

– Ты со мной первая разведешься. Зачем тебе такая бяка, как я, в мужьях? С маленькой зарплатой, ненормированным рабочим днем и почти без перспектив карьерного роста?

Марина махнула рукой.

– А девушка?

– Стажер. И у нее тут история такая произошла вчера...

– Какая? – заинтересовалась Марина.

Историю Сеня излагал сам. Марина послушала и кивнула.

– Вообще, да. Любит этот урод зачеты по вечерам принимать, любит. И я точно знаю нескольких девчонок... между нами, было. Но чтобы наркоту подливать?

– Может, раньше ему с рук сходило, не знаю. Вот и обнаглел?

Марина задумалась.

– Я порасспрашиваю. Осторожно.

– Вот-вот, узнай? Оно нам надо – чтобы кто-то из девчонок загнулся? Тут ведь как, пара капель туда, пара капель сюда, переносимость у всех разная, а кто-то аллергик или на таблетках...

Марина кивнула.

– Поговорю. Обязательно.

– И рассказывай давай, что с этой Вале́й?

– Да ничего особенного, – махнула рукой Марина. – Дура она просто...

– Слушаю?

– Если ты помнишь, как этот козел ко мне приставал...

Сеня фыркнул.

– Помню, – покосился на Ирину и разъяснил: – Маришка, сама видишь, у меня красавица. Вот этот старый урод к ней и пристал. Пришлось встречать девочку после работы, играть погонами и намекать, что некоторые вещи караются по закону.

– Помогло?

– Сомневаешься? Шакал – животное трусливое, – гордо выпятил грудь Сеня.

Ирина улыбнулась. Вот уж в чем она не сомневалась.

– Так что с этой Вале́й?

– А, ничего особенного. Ее Олежка в этом институте сначала учился, потом работать начал, в аспирантуру поступил... Валька его младше на три года. Встречаться они начали еще лет шесть назад, может, и больше, я свечку не держала. Валька сначала сюда работать пришла, лаборанткой, годик отпахала, потом аспиранткой пошла... Про аспирантуру рассказывать?

– В общих чертах можешь?

– Могу, – кивнула Марина. – Три года. За это время надо написать диссертацию, написать сколько-то статей, напечатать их, хорошо бы еще поучаствовать в паре сборников, съездить на конференции... Целые списки есть. Если их не выполняешь, завкафедрой получает по ушам.

– Он сам следит за выполнением?

– Это в его интересах. Профессор у нас на кафедре один, это он, Валька его аспирант, а за кандидата... короче, у него будут определенные бонусы. В нашей системе.

Ирина кивнула.

– Принцип ясен. Ну и?..

– У Вальки третий год. Ей летом кровь из носа надо защищаться. А это тоже забота руководителя. Найти диссертационный совет, договориться, провести предзащиту... Проблема в том, что в нашем городе таких советов нет.

– Почему?

– К советам тоже свои требования. Зависят от специальности, не везде есть нужное число профессоров и докторов наук. Не в каждом городе.

– А иногородним никак?

– Иногда проще нам к ним съездить, чем у себя и с нуля что-то лепить.

Ирина кивнула еще раз.

– Допустим...

– Предполагается близкий контакт между руководителем и аспирантом?

– Именно. А вот степень близости... Есть у нас на кафедре одна швабра. Пиркина Жанна Борисовна. Жаба Крысовна.

– Заслуженное прозвище? – поинтересовался Сеня, давя бычок в банке с окурками.

– А то ж... Эта Жаба с завкафом спят вместе уж лет тридцать. Расходятся, сходятся... Ревнует она его жутко. И просто баб ненавидит. Кто моложе, кто симпатичнее, у кого жизнь удалась...

– У нее – не удалась?

– А ты как думаешь? У завкафа своя семья, дети, у нее тоже своя семья... была. Муж развелся, рога надоели, дочь уехала в Испанию и матери не пишет, вторая дочь здесь, но мамашу к себе близко не подпускает. От греха.

– Ага...

– И осталась ей только наша кафедра. Ограничить ее некому, она и отрывается. То сплетни пускает, то людей травит, жаба!

Семен и Ирина молчали, не мешая Марине связывать ниточки в единое целое. Только слушали внимательно и сочувственно. Марина помолчала несколько минут.

– Валька, вообще, расцвела, как замуж вышла. И наш козел на нее внимание обратил. А вот было ли между ними что-то...

– Марина...

– Сеня, вот хоть ты меня стреляй! Я подозреваю, что да. Она весь год моталась с этой диссертацией, с защитой, завкаф что-то решал, договаривался, ходил обзабоченный... И вдруг все решается, как по волшебству.

– После *этой* конференции?

– В том-то и дело. После прошлой, где-то с месяц тому назад, – Марина посмотрела многозначительно. – Я подозреваю, что Валька решила: за один раз не сотрется. Ну и дала.

– И надеялась одним разом отделаться? – уточнила Ирина.

– Во-от! – подняла указательный палец Марина. – Наверняка! Но так не бывает... здесь-то им разгуляться было никак, вот и вторая конференция появилась. Хотя могли бы и обойтись, там уж она никакой роли не сыграет. Но Валька поехала. Хотя и скрипела зубами. Я же видела, ей не хотелось...

– Могла бы и отказаться.

– Не могла, видимо.

– Почему? – искренне удивилась Ирина.

– Если у них ничего не было, тогда могла. А если было? – предположила Марина, утаскивая вторую сигарету.

– Тогда отказаться сложнее, шантаж – гадкая штука, – кивнул Сеня.

– Самое печальное, что не докажешь ничего, – Марина смотрела грустно. – А еще найдется куча народа, которая развизжится, мол, сука не захочет, кобель не вскочит. И все в таком духе. Провоцировала, в мини-юбке ходила, глазки строила... Что, женщине в паранджу завернуться, если у нас хватает озабоченных уродов? Которые слово «нет» вообще ни разу в жизни не слышали? И считают, что если им отказывают, то это кокетство, а так-то любую бабу уговорить можно.

Ирина согласно кивнула.

Так ведь и будет. И правда, не объяснишь, что женщина хочет быть красивой просто потому, что женщина. Что у нее есть любимый человек, что ей хочется нравиться...

Это не значит, что она обязана спать со всеми. Просто у нее сегодня хорошее настроение. Э-эх...

С ней такого, слава богу, не было, но ведь от этого не легче? Другим-то так не повезло?

– Ты подозреваешь, что у них было что-то в тот раз. А может, и в этот, – подвел итог Сеня, – а муж тут при чем?

– При Жабе Крысовне. Думаешь, кто ему мог донести?

Ирина задумалась. А правда – кто? Вариант только один. Хотя...

– А других таких умных нет?

– Тебя как зовут?

– Ирина.

– Марина. Будем знакомы.

– Рада знакомству, – согласилась Ирина. Руки пожимать не стали, все ж не мужчины, но улыбнулись друг другу вполне доброжелательно. Им делить нечего. Карьера у них в разных областях, Сеня ни одной из них не достанется... Да и не нужен по большому-то счету – можно обнюхаться и стать подругами. Хотя бы приятельницами.

Грустно жить, когда даже косметику обсудить не с кем. И новой юбкой похвастаться – тоже не перед кем... а больше от приятелей и не требуют.

– Я подозреваю, Жаба Вальку ее мужу и заложила. А тот либо позвонил в гостиницу, либо что-то еще... может, и сам съездил... Вот и результат.

Версия заслуживала внимания. Но...

– Просто позвонил? И ему вот так сказали, да, ты знаешь, он ее – того? Фантазирует? – прищурилась Ирина.

– Возможны варианты, – пожала плечами Марина. – За недостатком информации я не возьмусь предполагать, где истина. Это проще у Олега спросить.

Сеня с Ириной переглянулись.

Вообще они не за тем шли. Но не уходить же теперь? Как-то и нехорошо даже...

– Ладно, – кивнул Сеня. – Пошли, ходим к твоему Олегу, поговорим.

– Не моему.

– А, непринципиально.

Олег оказался невысоким худощавым парнем лет тридцати. Грустным и чем-то похожим на спаниеля. Сходство подчеркивали большие влажные карие глаза и черные волосы, стянутые в длинный хвост.

На Сенино удостоверение он посмотрел без особого интереса.

– Добрый день. Рад знакомству... Что случилось?

– А вы не догадываетесь? – прищурился Сеня.

Олег покачал головой. Потом задумался.

– Валя? Она написала заявление?

– Не хочет она его писать, – махнул рукой Сеня. – Вы лучше просто так объясните, что происходит? А то обозвали девушку, ударили, и она даже не понимает – за что? Обидно так-то...

Олег выпрямился.

Теперь это был уже не спаниель, а пожалуй что французский бульдожка. Сопящий такой...

– Ах, она не понимает? А спать с этим уродом – нормально?!

Ирина смотрела на Олега, не отрываясь. И... словно карточку читала.

Любит он свою Валентину, любит. Очень. И переживает, и грустит, и тоскует из-за того, что ничего сделать не может. Но твердо уверен, что та ему изменила. А простить он не сможет.

Даже собаки не прощают предательства. Недаром говорят: Иудин грех один из самых страшных.

– Вы сами видели, что она вам изменила? – тихо спросила Ирина.

– Свечку не держал, – огрызнулся Олег.

– А что тогда? Рассказывай давай, как дело было?

Олег вздохнул.

Забавно, но Марина угадала почти до мельчайших подробностей. Действительно, не дура.

Подошла вчера к Олегу мадам Жаба Крысовна и, как она это умеет, шурясь и жмурясь, завела душевный разговор. И ведь не пошлешь откровенно, потом гадить будет.

Ах, такой молодой, такая семья хорошая и такая ситуация...

Все же не стоило жену-то отпускать с посторонним мужчиной, и не первый раз уже...

Олег любимую не подозревал. Но... При таком раскладе стоило проверить? Вам не кажется?

Сене и Ирине не казалось, они были полностью уверены.

Что сделал Олег? Да просто позвонил в номер жены. Раз, второй, третий... Что характерно – не дозвонился.

Позвонил на сотовый. Валя ответила, что готовится спать, что все в порядке... Пусть больше не звонит.

Выждал еще три часа. Опять позвонил на телефон в номере. И опять – нет ответа.

Вопрос: в чем номере спала Валечка?

– А ее не могли просто поместить в другой номер? – предположила Ирина. – Допустим, в старом трубу прорвало или еще чего... Вы администратору не звонили?

– Звонил. Ничего у них не прорывало... Откуда б я телефон ее номера узнал?

– Логично. А она сама что говорит?

Олег вздохнул, словно кашалот, вынырнувший с километровой глубины.

– Не знаю. И слушать не хочу, боюсь не сдержаться.

– Если мы поговорим?

– А что это изменит – теперь? – Олег смотрел вовсе уж безнадежно. – В чем смысл?

– В установлении истины, – просто сказала Ирина.

– И что с нее толку?

– Хоть знать будете, по доброй воле или как. И что, и где...

Радости в глазах Олега не прибавилось.

– Давай-ка ты к этой Вале, – решил Сенья.

– А ты?

– Поговорю с Маринкой еще раз. Где можно найти эту осведомленную жабу. То есть Жанну.

Ирина молча кивнула.

В преподавательской продолжалась вакханалия, иначе и не скажешь, из слез и соплей. Рыдания, страдания, платочкоотжимания...

– Валентина, можно вас на минутку?

Валя поглядела глазами побитой кошки. Ирина решительно извлекла ее из-за стола, покосилась вокруг.

– Где бы нам поговорить? Чтобы никто не слышал?

Судя по лицам, интересно было всем. Но спорить тоже дураков не было.

Выручила Марина, которая протянула ключи.

– Мой кабинет. У меня сейчас нет пары...

– Спасибо.

Кабинет оказался большой пустой аудиторией. Чем Ирина и воспользовалась, затащив Валю в противоположный конец от двери. Теперь подслушивай, не подслушивай... О!

Еще и музыку на телефоне включим. На всякий случай. И положим сотовый поближе к двери, чтобы перебивал часть звуков.

Валя продолжала всхлипывать. Ирина покачала головой.

– Валь... ты мужу изменила? С заведующим?

Может, и не стоило вот так, в лоб, но чего церемониться?

Валя побледнела, покраснела, пошла пятнами...

– Н-нет...

Врет.

Ирина махнула рукой.

– Будешь вешать мне лапшу на уши, сильно обижусь.

– Я не...

– Один или два раза? На конференциях?

– Два... ой...

Ирина довольно кивнула. Молодец Маринка, теперь она поняла, почему Сеня с ней не только встречается, но и дружит. Умная женщина – редкость в наши времена. А уж наблюдательная и не болтливая, вообще почти сокровище Голконды.

Правда, вот жениться на такой желающих мало. Нужно быть как минимум не глупее, а кому это понравится? Рядом с дурой ты всегда орел, а тут... тут еще перья повыщипывать могут.

– Оба раза на конференциях?

Валя всхлипнула, шмыгнула носом – и слова полились потоком.

Ну да. Ситуация была именно такой.

Год близился к завершению, диссертация хоть и была готова, но ее ж еще и защитить надо, а тут без связей и знакомств никак. На этом этапе все зависит от научного руководителя.

Намеков Валя не то что не понимала, она их просто не видела. Поэтому профессор высказался прямым текстом. Мол, не хочешь по-хорошему, останешься без диссертации.

На вопрос, понимает ли он, что у нее муж, ответил, что тоже женат. И никаких последствий ему не нужно.

Уж извини, дорогуша, но разводиться тут никто не собирается, переспали – и разошлись. Хочешь не хочешь, а все равно придется.

Альтернатива?

Вылетишь с кафедры в три счета.

Аспирантура закончена? Диссертация не защищена? Мест нет! Сокращение!

Второй вариант куда как приятнее. И защита пройдет как по маслу, и булочка найдется. В частности, тепленькое место и даже ставка преподавателя. Хочется ведь?

Хотелось. Но колелось.

И профессор, доктор наук и еще куча регалий, нанес последний удар. Муж не узнает. Никогда.

Или... если Валя все-таки откажет, он сделает так, что Олег узнает обо всем. Что у них было, как было... во всех позах и подробностях.

Не было? А кого это будет интересовать? Ложки найдутся, осадок останется...

Валя решила посоветоваться с мамой. Та сказала, что выбора нет. Выбирать, конечно, дочке, но стоит ли из-за сомнительного целомудрия рушить свою жизнь?

Ну, потерпит пару раз, с Вальки не убудет. Зато жизнь обеспечена на несколько лет вперед. А Олег... что – он такой безгрешный? И никого? И никогда?

Девственником достался, да?

Уговоры сделали свое черное дело.

Валя махнула рукой и согласилась. Хотя не стоило, вот уж факт. И продавать себя – неприятно, и удовольствия никакого, а теперь еще и Олег...

– Я не думала, что я его потеряю, – размазывала сопли жертва убеждений.

Вот, теперь она не врала.

И что с ней делать, с дурой?

Ирина подумала.

– Знаешь, можно бы сказать мужу, что научный руководитель сделал тебе неприличное предложение.

– И?

– Ты его не приняла. Крутила хвостом, посылать его было страшновато, а потому... У вас там банкет или что-то такое было?

– Да, нечто вроде.

– Вот. К примеру, ты договорилась с какой-нибудь девушкой и провела ночь у нее в номере.

Валя задумалась.

– Есть такая... Танька Семкина. Мы вместе учились... Сейчас я ей позвоню.

– С моего телефона, – остановила Ирина.

– Почему?

– Потому что потом ты ей позвонишь в первый раз. Со своего номера. Поняла?

Валя закивала.

– Спасибо.

Ирина взяла телефон. Подошла к двери. Нет, никто не подслушивает.

– Ты поняла, что ей говорить?

– Да.

– Набирай номер. Я постерегу, чтобы никого не было...

Валя отчаянно закивала и принялась договариваться.

Ирина задумалась. Правильно ли она делает? С одной стороны, она сейчас врет. И покрывает чужое вранье, и вообще... это нехорошо. Подлю как-то. Гаденькое ощущение. С другой стороны... в главном-то они не врут. Ни Валя, ни Олег.

Любят они друг друга. До слез, до соплей, до слюней... может, они потом свой мир с кем-то другим и построят. Но вот здесь и сейчас она точно понимает – это их судьбы. Их... Друг без друга у них многое может получиться. Диссертации, семьи, дети... только счастья не получится. Дура эта Валя. Дважды дура, что мать послушала, трижды дура, что поддалась на провокацию...

Хорошо ли ей помогать врать, Ирина не знала. Она вообще не оценивала ситуацию, как хорошо – плохо, скорее, как правильно – неправильно. Вот сейчас ей хотелось помочь заплаканной дурочке. И это было правильно.

– Я все.

– Ты хоть понимаешь, что второго шанса не будет?

Валя закивала.

– Да. Спасибо...

– Сопли вытри. Сейчас я поговорю с Семеном... Подожди пока здесь, что ли?

Валя кивнула.

Ирина выглянула за дверь. Семен беседовал с какой-то теткой посреди коридора.

Ирина пригляделась. Вот полтинник в евро против гнутой подковы – это и есть та самая Жаба...

Невысокая, полненькая, но не расплывшаяся, а такая, крепко сбитая. Правда, непропорциональная. Торс длинноват, ноги короткие, попа обвисла, да еще стрижка неудачная, она зрительно удлиняет череп. Хотя модная, и с цветными прядками, явно дама на себя денег не жалеет, в хорошие парикмахерские ходит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.